Колесо Судьбы

Александр Берник

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Александр Берник

Колесо Судьбы. Сын Вод

«Автор»

2026

Берник А.

Колесо Судьбы. Сын Вод / А. Берник — «Автор», 2026

Смерть — странная штука. Кого-то — вжик косой по горлу, и «finita la commedia». А кого-то годами этой косой так истыкает, что человек превращается в решето, из которого песок сыплется, а всё не прибирает. Отчего это зависит — науке неведомо. Но никому не хочется умирать ни по-хорошему, ни по-плохому, и каждый надеется, что будет какое-то продолжение. Пусть даже не в реальном мире и не совсем человеком. Лишь бы была возможность ещё чего-нибудь напакостить и кому-нибудь нагадить.

© Берник А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Эпизод 1. Понятие «жопа» безмерно: когда она наступает, то накрывает всё и сразу. 5
Эпизод 2. Секс — не повод для знакомства, но и знакомство — не обязаловка для секса, если только это не начальство тебя имеет. 9
Эпизод 3. Градация ценностей зависит от ситуации, где самым ценным оказывается самое нужное на данный момент. 13
Эпизод 4. Жизнь постоянно даёт трещины: когда — мелкой сеточкой, когда — разлетаясь вдребезги. 15
Эпизод 5. Умирать надо всегда с закрытыми глазами, чтобы не видеть радости на лицах рядом стоящих. 18
Эпизод 6. Попасть в историю и влипнуть в историю — вещи разные. 21
Эпизод 8. Если человек хочет жить, медицина бессильна, но плоды не своих побед она никогда мимо рта не пронесёт. 30
Эпизод 10. Встреча двух людей — как столкновение галактик: можно слиться в нечто общее, можно разойтись краями, нанеся взаимные повреждения, а можно пройти сквозь друг друга и не заметить. 37
Эпизод 11. Понимание того, что ты никто, не так обидно, как понимание того, что ты — конкретное ничтожество. 42
Эпизод 12. Жизнь не живут — в неё играют: кто-то выбирает роли, а кто-то — массовку без права голоса. 46
Эпизод 13. Вся жизнь шпиона в чужой стране — хождение по минному полю бытовых мелочей. 51
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Александр Берник
Колесо Судьбы. Сын Вод

Эпизод 1. Понятие «жопа» безмерно: когда она наступает, то накрывает всё и сразу.

По выжженной солнцем степи, больше напоминающей безжизненную пустыню, неспешным шагом шли три лошадки: две под всадницами, а третья тащила за жердины повозку с клеткой. Конвой двигался строго на север. За этим следила всадница, едущая впереди процессии. Она то и дело оглядывалась на палящее в безоблачном небе солнце и зорко высматривала вдали только ей известные ориентиры.

Вторая наездница, что выглядела моложе, непосредственно сопровождала узника, всю дорогу стараясь держаться недалеко от повозки. И если первая была хоть чем-то занята, то вторая от однообразия пути уже не знала, чем заняться. А так как развлекать её было некому, она не нашла ничего лучше, чем донимать пленника мелкими пакостями. Мужики от безделья с жиру бесятся, а женским особям от скуки обязательно надо залезть кому-нибудь под кожу и там нагадить.

— Вара́н, пусте́р михе́! — зло прошипела девчушка, корча из себя грозную амазонку и вре́зав при этом плетью по прутьям деревянной решётки, явно стараясь взять узника на испуг.

Что-то хрустнуло, словно от удара волосяного хлыста, треснули пересохшие прутья. Клетка и так дышала на ладан, порываясь развалиться сама по себе. Она скрипела, болталась, как пьяная, из стороны в сторону, трясясь по растрескавшемуся глинозёму, подскакивая то и дело на сухих травяных кочках, словно припадочная. Деревянное узилище было не пойми как собрано в решётчатую коробку метр на полтора и высотой не больше метра, в которой дно и крышка были выдолблены из цельных кусков дерева. Пол и потолок скреплялись между собой по всему периметру толстыми прутьями из молодых стволов, ободранных от коры. Вот и вся конструкция.

Клетка казалась древней и явно постоянно используемой, так как выглядела чёрной от времени. Хотя, возможно, была просто грязной, залапанной тысячами рук и кровью предыдущих узников. Не исключено, что и отходами их жизнедеятельности. По крайней мере, разводы на полу, где сидел сейчас очередной арестант, указывали на это.

Узилище перевозили на повозке с двумя колёсами. Были бы они большими — можно было бы назвать её арбой. А так — обычные тележные колёса. Эту половинку телеги тащила невзрачная кобылка, от которой узник видел лишь пыльный зад и постоянно машущий хвост, как будто задницу лошадки доставали насекомые или у неё там что-то чесалось.

— Вара́н, калара́м, — уже громче продолжила что-то требовать тощая воительница, подъезжая к пленнику вплотную и тыкая его в плечо заострённым концом плётки.

Узник дёрнулся и скосил ничего не выражающий мутный взгляд на мучительницу, отчего та резко повеселела, широко открыв рот и демонстрируя ядовито-жёлтые зубы. Судя по всему, вид арестанта и отсутствие какой-либо реакции на её слова возбудили у страшной охранницы подозрение, что он сдох. Оказалось — нет. Жив ещё. Ну как тут не верить интернетным альтушкам, что жизнь — это боль, потому что мы живы, пока её чувствуем.

Страшной девчонка была не по сути своей, а по морде лица. Рябая, курносая. Она смахивала на мультяшного чертёнка с пятачком. А ещё была худа лицом до безобразия — череп, обтянутый кожей. Охранница то ли чем-то болела, то ли её ещё в этой жизни не кормили как

следует. Странно, но, воспевая худобу как эталон красоты, никто даже не задумывается, что недовес — это серьёзное заболевание, ставящее худышку одной ногой в могилу. Так зачем мучить моделей подиума, заставляя их помирать от голода? Надо убивать их сразу, чтоб не мучились.

На первый взгляд дурнушка выглядела подростком лет пятнадцати. Хотя с такой страшной рожей с возрастом можно было и ошибиться. Да ещё почти сутки пути по пыльной и жаркой степи красоты девчонке однозначно не добавляли: потное лицо покрылось слоем пыли и превратилось со временем в грязевую маску с камуфляжными разводами. С таким макияжем хорошо сниматься в голливудских боевиках, изображая Рэмбо под пальмами, или сразу замуж за принца — чумазая Золушка вам в профит.

Гарцевала конвоирующая клетку девка на такой же уродливой лошадке, как и сама. Лохматая скотинка небольшого роста и неопределённой расцветки выглядела такой же рябой и недокормленной. Шерсть словно говном вымазали и ржавчиной побрызгали, причём неравномерно. Всадница сидела на ней без седла, стремян и уздечки, на дырявой дерюжке, накинутой кобылке на спину, и держалась за гриву. И то лишь когда проводила какие-то манёвры. А так просто сидела, обхватив её впалые бока дистрофичными ножками, ни за что не держась и изображая при этом грозу всех степей.

Одета девочка была с ног до головы в кожу, несмотря на жару. Короткие сапожки без подошвы напоминали тёплые носки. Штаны, обтягивающие мослы́. Короткая курточка с плотно запахнутыми полами, которые удлинёнными концами завязывались вокруг позвоночника, играющего роль талии, образуя подобие ремня. На голове — кожаная шапка-колпак, свисающая на спину чулком до отсутствующей задницы. Всё вышеописанное было выполнено в едином стиле, что указывало на наличие вкуса или отсутствие выбора.

Агрессивная бестия была вооружена луком, висевшим за спиной, и плёткой из конского волоса, которую из рук не выпускала всю дорогу. То рубила звонкими щелчками высокие сухие травины, то вот клетку доламывала. По всему, подростку в этом нудном путешествии было смертельно скучно, и она просто не знала, куда себя деть от безделья. Любой родитель не даст соврать, что скучающий ребёнок — беда в доме: то квартиру сожжёт, то соседей затопит.

— Лапла́н, Чул Чечек. Чара́н, — раздался недовольный голос старшей, ехавшей впереди процессии.

Девчонка фыркнула, передёрнулась всем телом, словно в её словах услышала нечто отвратительное, при этом кривясь, как от кислятины. А затем, судя по интонации и резкому расслабленному выдоху с задранной головой, как это делают подростки при нотациях душных родителей, явно пожаловалась на скуку:

— Кичéм мана́.

На этом очередное донимание пленника закончилось, и мужчина, тоже облегчённо выдохнув, снова прикрыл глаза. Сидельцем в клетке оказался перекормленный боров, заплывший жиром. По крайней мере, таким он виделся обеим воительницам. А сопровождающая его девчонка была уверена, что у «йы́та путсéря», как она его частенько называла, вообще мяса нет. Он весь — одно сало. А ещё у этого «сы́сна» не было зубов и был вырван язык. Но это не её рук дело. «Кусок сала» таким в стойбище уже в клетке привезли.

К тому же страшная воительница знала, что «йы́та путсéря» не понимает их языка, потому что никак не реагирует на все её унизительные оскорбления, которые наездница с завидным усердием выливала вёдрами на его голову на протяжении всего пути. Хотя он не был глухим. Это точно. На сторонние шумы реагировал, но вяло. Но тут могло сказываться его плачевное состояние. «Жировой мешок» был сильно избит. Судя по запёкшейся крови на волосах, голова была продырявлена. На шею вообще, похоже, дерево рухнуло. Синяк красовался от головы на полспины́, охватывая плечи.

Но ей совсем не было жалко «сы́сну». А чего его жалеть? Она прекрасно знала, что врага жалеть нельзя. А он — враг. Наверное. Хотя какой из него воин? Он и меч не поднимет, и тетиву не натянет. Если только мог вредить как-то по-другому? Например, насылать проклятия. Не зря же ему все зубы выбили и язык вырвали. Явно колдун. Но колдунам ещё руки с ногами ломали, а у этого они целые. Хотя, может, у него просто зубы болели, а язык опух. Шаман в их селении, считавшийся лекарем от богов, у всех выдёргивает всё, что болит и сгнило. Правда, от его лечения через одного помирали, но через одного и выздоравливали.

Но тут идущая впереди подняла руку, прерывая размышления девочки на медицинские темы, и, развернув коня, скомандовала:

— Чара́ну. Ана́ ещме́-щи́ме пар. Ана́ черре́н и́сле ситермелле́.

И, отдав своё тарабарское распоряжение, подъехала к клетке, только с противоположной стороны от напарницы. Стекла с коня на землю, уподобляясь воде. Демонстративно медленно распустила завязки кожаных штанов и так же, никуда не торопясь, уселась справлять нужду, широко раздвинув колени и задирая спущенные штаны обеими руками. Видимо, тоже от однообразия пути и тепловой пытки мозги размякли. Вот и решила пощекотать себе нервишки для взбадривания, затеяв туалетный стриптиз с «золотым дождём».

Всё это время она пристально наблюдала за пленником, проверяя: подсматривает или нет? И здесь для мужчины правильного поведения не существует. Смотришь — мерзкий извращенец, у которого, как у всех мужиков-козлов, только одно на уме. Не смотришь — ещё хуже. Опять же козёл, но уже чёрствый, не оказывающий даме внимания. По мнению женщин, любой мужчина обязан быть экстрасенсом, предугадывающим, когда внимание обязательно, а когда на очевидное следует закрыть глаза, не заметив, что дама при всех обосралась.

Узник же, воспользовавшись остановкой, с облегчением и заметной предосторожностью уложил затылок на прутья и замер с закрытыми глазами. Во время движения это сделать было невозможно, так как из-за тряски больная голова постоянно стучалась о толстые прутья, и ему всю дорогу приходилось держать её на весу. И он был абсолютно уверен, что это сознательная пытка. Хочешь поизмываться — заставь врага принять неудобное положение, и чем дольше он будет в нём находиться, тем больше в этом садизма.

Молодая воительница достала из-под отсутствующей задницы кожаный мешочек. Развязала, вынула из него полоску чего-то тёмно-коричневого и, понюхав, скривилась, всем видом показывая, что её сейчас вырвет. Подъехала к узилищу и, опасаясь, будто в клетке свирепый хищник, а не безвольный «кусок сала», осторожно, с расстояния швырнула пленнику этот вялый шматок, который, плюхнувшись на голую ляжку узника, тут же к ней прилип, как липучка. Мужчина дёрнулся. Посмотрел сначала на то, что прилипло к ноге, а затем на безобразного конвоира с ядовито-жёлтыми зубами.

— Щи, — скомандовала та, махнув внешней стороной ладони так, словно смахивает в его направлении вонючий воздух, и, видя, что тот обратил на неё внимание, добавила: — Щи. Пире́н та́та кунепе́х каймалла́.

Говорила девчонка без злости, без бывалой спеси. Даже могло показаться, что ей неожиданно стало его жалко. Пленник ничего не понял из сказанного, кроме того, что это, похоже, еда. Судя по вони, деликатес являлся вырезкой конины, завяленной в конском поте. Просто эталон высокой кухни.

Но не это остановило его от набрасывания на корм, хотя оголодавший пленник сейчас бы и говно съел. Вот только чем? Зубов-то не было. Тем не менее толстяк отлепил от ляжки склизкую полоску и, скатав в комок, сунул в рот. Он принялся мусолить непонятную пересоленную хрень дёснами, уповая на то, что эта жвачка под действием слюны хоть как-то размягчится или, на худой конец, он все соки из этого куска высосет, а голодный организм хоть что-нибудь полезное для себя в этой мерзости найдёт. Да, голод не тётка, а злая мамка на кухне, которая любого заставит сожрать всё, что она приготовила, даже если это невозможно есть.

— Ме, ещ, — вновь дала о себе знать курносо-рябая, проталкивая меж прутьев горлышко кожаного мешка с водой.

Вот тут пленник даже ерепениться не стал и резко ожил. Он с обезумевшими глазами прильнул к решётке, схватил обеими руками горлышко мешка и жадно припал к тёплой, вонючей, но такой желанной влаге. Да так крепко ухватил, что воительница, с минуту изо всех сил старающаяся вырвать мешок из прутьев, ничего сделать не могла. Она кричала, ругалась, хотела схватиться за плеть, но боялась отпустить мешок, понимая, что тот его утянет к себе в клетку и воды у неё вообще больше не будет. Тут как в большой и дружной семье: рот раззявил — остался голодный.

В конце концов наездница извернулась и врезала ему меж прутьев пяткой в лоб, отчего и до этого избитый толстяк мучительно взвыл. Пленник, держась за голову и изображая упитанную улитку, на одной заднице отполз в дальний угол, продолжая через всхлипы поскуливать.

— Кукша йы́та, — ругалась девчонка, чуть не плача от обиды, со злостью дёрганными движениями завязывая мешок с остатками воды. — Ву́тра щу́нса кай.

Но пленник уже не обращал на недоросля внимания. Удар по больному месту вызвал у бедолаги временное помутнение рассудка, не давая думать ни о чём, кроме боли. Только через некоторое время муки отмучились, притупились, и он страдальчески завыл без слёз. А ещё через минуту, не делая резких движений, принял прежнее положение и, сунув вонючую жвачку обратно в рот, замер, вновь уложив бедную голову в просвет двух прутьев решётки.

Эпизод 2. Секс — не повод для знакомства, но и знакомство — не обязаловка для секса, если только это не начальство тебя имеет.

Артём Сергеевич Панов, он же Арто́с, как звали его друзья, он же Пу́хля, как ласково дразнила его мама, двадцати девяти лет отроду, уроженец города Екатеринбурга, сидел в клетке абсолютно голый, в полной прострации. Голова разбита. Спина и плечи измочалены до состояния отбивной. Ни одного зуба. Язык вырван. И полное охренива́ние от происходящего вокруг. Где он? Кто он? И что здесь делает? Хотя на вопрос «кто он?» ответ был однозначным — тело было его.

Весь этот беспредел явно попахивал переселением в другой мир, но его душа не перекочевала в чужое туловище, как это принято стандартами. Он не занял чью-то голову, выпихивая прежнее сознание руками и ногами. В этот грёбаный, непонятный мир, похоже, ещё каменного века он переселился целиком. Со своим телом и своими мозгами. С одной стороны, всё своё, родное, но с другой — какие-то уроды довели это родное до некондиции. Он не знал кто, но не сам же? Винить себя в собственных бедах не принято, потому что всегда можно найти виноватого со стороны.

Когда Артём пришёл в себя в каком-то диком шатровом стойбище от ведра воды, вылитого на обнажённое тело, он уже сидел в этой клетке. Как он в неё попал, что было до того — не помнил. Где умудрился потерять зубы и, тем более, когда это ему вырвали язык — полная потеря памяти, словно до прихода в себя всё происходило не с ним. Дёсны не кровоточили. Болевых ощущений по поводу отсутствующего языка не было, что указывало на продолжительность этого состояния. Похоже, всё это творили с ним не вчера. Успело зажить. Но Артём об этом не имел ни малейшего представления. Последнее, что он помнил: отчаянный визг тормозов, странные глухие постукивания за спиной, обернувшись на которые, он с ужасом увидел, как на него с дороги скачет огромное вихляющее колесо, оторвавшееся от самосвала. И это грёбаное колесо летело точно ему в голову.

Всё случилось настолько стремительно и неправдоподобно, что он только успел прижать подбородок к груди и подогнуть ноги, пытаясь свернуться эмбрионом. Как, мать вашу, такое вообще могло произойти? Это что, колесо судьбы? Ну вы сами представьте себя на его месте. Идёте вы по тротуару, никого не трогаете. Сзади визг тормозов, причём достаточно далеко, чтобы сразу испугаться. Поворачиваетесь, а на вас скачет огромное колесо. Скок-скок. Ситуация настолько абсурдна, что любого человека заклинит, не позволяя принять хоть какое-нибудь адекватное решение.

Единственное, что мозг попытался сделать в этой ситуации: расширил глаза в ужасе, постарался скрючить тело, обездвижив руки и ноги, по каким-то своим соображениям полагая, что лишние телодвижения приведут к ещё большей угрозе жизни. Это ж надо быть таким тупым в критической ситуации. Вместо того чтобы попытаться увернуться, мозг решил замереть, закрывшись у себя в черепной коробке с детским воплем: «Я в домике».

Когда арестант Панов несколько успокоился, а нудная дорога по бездорожью этому способствовала, он начал в деталях вспоминать, что произошло в тот проклятый день. Это был понедельник. Мало того что он по определению день тяжёлый, так ещё и начался с глупой неприятности — он проспал. На целый час. Почему Артём не поставил с вечера будильник? Ответ у него отсутствовал. На свою сожительницу в этом плане вообще не надеялся. Светка свою красиво прокачанную жопку раньше одиннадцати с кровати не поднимала. Не было у неё в этом необходимости.

Она вообще проживала жизнь-мечту многих молоденьких девочек современности. Светка была на девять лет младше Артёма. Она работала, но исключительно над своим сексуальным телом. В одиннадцать — подъём. Душ. Лёгкий завтрак — и в тренажёрку. Четыре часа тренировок как минимум. Это было обязаловкой. После — лёгкий обед или полдник, хоть как это называй. Затем — отдых с бумажным стаканом грушевого ра́фа. Это единственное вредное пойло, по её экспертному мнению, которое она могла себе позволить.

Дальше по расписанию шёл массажный кабинет, салон красоты с множеством жизненно необходимых процедур: аффирмациями, мантрами с космосом, мыслеформами собственного благополучия и прочим, прочим, прочим. После тяжёлого диалога с Высшими Силами — лёгкий променад ножками по территории Измайловского гостиничного комплекса, чтобы в глазах приезжих со всех краёв света потешить собственное ЧСВ, благосклонно улыбаясь мужикам, что об неё глаза ломали. Это также являлось обязательной процедурой. Как она любила говорить, это для души и осознанности своей востребованной женственности, которая втискивалась в рамки понимания, что её все должны хотеть, а кто не хочет — «голубой» по определению. Женщина во все времена любила, любит и будет любить только саму себя. Всем остальным лишь позволяет находиться рядом, и то, пока они делают то, что она желает. Влюбился — добейся. Разлюбил — пошёл вон, собака сутулая.

Артём не стремился узаконить с ней отношения. Она не настаивала. Такое положение устраивало обоих. Светка хоть и являлась содержанкой, но особо не наглела. Два раза в год — выезд куда-нибудь на океанские просторы, дней на десять, не более. Карманные деньги по вполне скромным запросам. По выходным иногда шопинг, но тоже в рамках приличия. За всё это он имел по вечерам писечку. Ну, кроме тех дней, когда он её выбешивал, отчего у Светки болела голова, и в дни женской непредрасположенности. Ну, тут уж сам Минздрав предупреждал. В общем, Артёму хватало за глаза. А с его перекормленной комплектностью и почти двенадцатичасовым рабочим днём этого порой было даже чересчур. В большей половине случаев отказа от сексуальных утех это как раз у него болела голова, а она, спасибо ей, не настаивала.

С деньгами у Панова проблем не было. Он был законным миллионером. Причём миллионером зарплатным, а не наворованным. Таких программистов в области искусственного интеллекта, как он, даже в Москве можно было по пальцам одной руки пересчитать. А если учесть, что его контора работала на оборонку, то бюджетных денег хватало и на бутерброд с чёрной икрой на деревенском сливочном масле, и на золотую тарелку под ним. Бизнес давно просёк, что главная золотая жила страны — это гособоронзаказ, а не нефть с газом, как многие думают.

Артём за последние три года купил собственную трёшку у Серебряно-Виноградного пруда в Измайлово, двух «китайцев» премиум-класса с полным фаршем — для себя и для подруги. Раскошелился на загородную дачу родителям под Екатеринбургом, о которой мама всю жизнь мечтала. А отцу исполнил его чаяния, подарив тому «Ниву» в экспортном варианте для поездок на рыбалку. В общем, всех осчастливил и сам остался в шоколаде, причём криптовалютном, да ещё и за рубежом, о коем вообще никто не знал, кроме него. У настоящего мужчины должны быть две вещи: хобби и тайна. Желательно валютная.

Как он ни торопился в тот день, даже не позавтракав вчерашней пиццей, специально оставленной на утро, всё же опоздал в офис на сорок минут. И здесь столкнулся с новой, неожиданной неприятностью. Подвели те, кого он считал друзьями. Те, с кем учился в универе, где, с двумя из них, вообще жил в одной комнате общежития. С кем, в конце концов, все эти годы работал рука об руку. Как легко заводятся друзья в детстве, так же легко они теряются с возрастом.

Артём и раньше стал замечать, что благосостояние, которого они достигли, нехотя, но уверенно разводило их в разные стороны. Пацаны уже не общались как раньше. Не делились

сокровенным и всё больше отдалялись друг от друга, переходя из разряда «дружба навек» в категорию «своя рубашка ближе к телу». Артём в то утро как-то резко прозрел в истине, что деньги портят людей, превращая их в финансовых нелюдей.

Никого из руководства в то утро в офисе не было, и, как назло, заявившийся к ним в отдел кадровик ни с того ни с сего первым делом поинтересовался именно Пановым, не увидев того на рабочем месте. Видите ли, в отсутствие руководства он самоназначил себя в конторе самым главным, а значит, обязанным следить за дисциплиной, выискивая, с кого бы содрать штраф за опоздание. «Друзья», в кавычках, даже не задумываясь, его сдали. Нет чтобы прикрыть, сказав, что он за кофе спустился в кафешку или в туалете с утра заседает. Нет же. Заявили, что понятия не имеют и с начала рабочего дня Панова не видели.

Самое смешное, что делать всему отделу, в принципе, было нечего. Только, сжав кулаки на удачу, ждать. Именно на этот понедельник была назначена правительственная комиссия по приёмке их проекта в условиях, приближе́нных к боевым. Всё начальство в полном составе тусовалось на полигоне вместе с руководством завода-изготовителя железа и дяденьками с беременными животами и большими звёздами на погонах от Министерства обороны, полагавшими, что живот для мужчины — это показатель успешности.

Четыре боевых дрона с их новым программным обеспечением должны были продемонстрировать свои фантастические способности по обману сил противодействия и уничтожению заведомо определённых целей в виде металлолома из бронированной техники, стоящего в поле в качестве мишеней. Всю предыдущую неделю Артём сам пропадал на этом полигоне, где они всей командой тестировали эти дроны во всех мыслимых и немыслимых режимах. И ни одной осечки. С одной стороны, это вселяло уверенность в сегодняшнем дне, но с другой — мандраж присутствовал нешуточный.

Онлайн-трансляции с полигона, естественно, не было, и что там происходило, оставалось загадкой. Как всё пройдёт? Какие «косяки» могут вылезти? Понятное дело, что это первый показ. Будут замечания, пожелания — не без этого. Замечания устранят. Пожелания удовлетворят по мере возможностей. Но что-то нервозное присутствовало в это утро во всём отделе. В воздухе витало предчувствие чего-то нехорошего.

Взрыв этой напряжённой обстановки произошёл ближе к обеду. В офис ворвался разъярённый и раскалившийся докрасна генеральный директор в сопровождении зама и руководителя их проекта и, в бешенстве подбежав к столу Артёма, принялся орать на него, как на последнюю скотину, что насрала на его любимом коврике. Он не фильтровал базар, хотя все знали его как интеллигентного, хорошо воспитанного человека. Гендира всегда сравнивали с вышколенным аристократом голубых кровей. А тут он быковал, как последняя урка у параши. И зоновский жаргон неожиданно прорезался, и матерщина с загибами.

Директор даже намеревался руки распустить, уподобив Артёма боксёрской груше, но между ними стоял стол, а обойти — похороненный эмоциями интеллект не позволил. Хотя ворот рубашки он Артёму всё же оторвал. И пара пуговиц куда-то отлетела. Наконец, вместо мордобоя он с остервенением расшвырял на столе подчинённого все бумаги, наплевав на то, что многие были с подписью и печатью, да ещё и со штампиком «СС», за что первый отдел потом всех с говном смешает. Ну, имеется в виду сотрудников. Не директора же.

Сначала Панов был обескуражен таким напором, абсолютно ничего не понимая из речи шефа, который только обзывал его на все лады, унижал и угрожал всеми карами, и не только церковно-приходски́ми, ни разу не обмолвившись, в чём же он несчастного программиста обвиняет. Эти непонятки и психически напряжённая обстановка так же резко довели Артёма до белого каления, словно ярость гендира была заразной. Он тоже на повышенных тонах принялся орать, требуя объяснений. Что такого могло случиться, чтобы генеральный наехал на него таким неподобающим образом? Артём попытался апеллировать к своему коллективу и к «друзьям», ища у них поддержки, но все просто отвели глаза, тем самым отдавая Панова на

растерзание. Это ещё больше обидело Пухлю, и он, забыв о правилах хорошего тона, перешёл на русский матерный, обозвав директора пиздаболом и требуя от последнего доказательств своей вины.

Но тот, вместо того чтобы объяснить, продолжая развязно голосить, вызвал кадровика, который и так стоял в дверях, и потребовал немедленно уволить Панова задним числом по собственному желанию, мотивируя это тем, что, когда конторские придут вылавливать в их рядах диверсанта, он, как генеральный директор, будет ни при чём. Мол, эта сволочь намедни уволилась и подалась в бега в неизвестном направлении, тут же пожелав «суке» Пано́ву срочно бежать, куда ноги несут.

Работник, приговорённый к увольнению, ещё больше разъярился, практически до беспредела, порываясь кинуться в драку и выскакивая из-за стола, не собираясь куда-либо бежать, и тем более — задним числом. И тут генеральный — то ли испугавшись спарринга с заведомо более тяжёлым противником, то ли схватившие его зам и начотдела остудили пыл, но он сдался и наконец соизволил посвятить в произошедшее.

Оказывается, во время испытания один из дронов, вместо того чтобы уклоняться от ПВО условного противника и не обращать внимания на действия его средств РЭБ, преследуя лишь чётко зафиксированную для атаки цель, ни с того ни с сего переметнулся на сторону врага и в полном боевом обвесе пошёл в лобовую на бункер с правительственной комиссией, ну и с делегацией их фирмы во главе с генеральным.

Хорошо, что оператор, контролирующий полёт, с перепугу рванул вглубь бункера, и дрон, последовав за ним, влетел не в смотровую щель, а рухнул на обвалованный землёй купол, изрядно тряхнув бетонное сооружение. Но и этого, как оказалось, всем находящимся в нём товарищам-генералам хватило, чтобы наполнить свои галифе с широкими лампасами отходами жизнедеятельности разной консистенции.

А тот оператор, сука, что управлял беспилотником, видимо, не только обосравшийся в комбинезон, но и понимающий, что на него сейчас вся комиссия содержимое своих штанов вывалит, играя на опережение, заорал, что виноват искусственный интеллект в части распознавания цели. А именно тот блок, за который отвечал Артём. Крыса, загнанная в угол, кидается на заведомо сильного противника, а трусливый человек пытается подставить под раздачу первого попавшегося вместо себя.

Все возражения красного, как рак Пухли, что при чём тут блок распознавания, когда дрон летел, не целясь в бункер, а устремлялся прямой наводкой на оператора с пультом в руках. Мол, тут же даже идиот сообразит, что у железяки включился по непонятным причинам режим возвращения на базу или что-то подобное. Он же не просто так на пульт оператора нацелился. И прежде чем разбрасываться матерными обвинениями, следует дождаться результатов расследования, а оно сто пудов будет.

Генеральный был на взводе и к доводам Панова, кажется, вообще не прислушивался, хотя и несколько успокоился, где-то на заднем плане смекнув, что всю вину можно будет спихнуть на завод-изготовитель дронов. Но он, бедный, так перепугался за свою задницу, что всё же решил во что бы то ни стало найти виновного заранее и на всякий случай принять меры. И этим виновным, с легковесных слов дроновода, оказался Панов. В общем, психанув, Артём написал заявление и в состоянии озверения покинул свою родную фирму, послав всех к чертям собачьим.

Эпизод 3. Градация ценностей зависит от ситуации, где самым ценным оказывается самое нужное на данный момент.

Окунувшись в воду, полуживой пленный вынырнул из воспоминаний. Лошадка, тащившая его полутелегу, никем не управлялась. Она просто устало плелась следом за впереди едущей хозяйкой, как преданная собачонка. Без поводка, без намордника, без окриков и каких-либо дополнительных пинков. Вошла хозяйка в реку, углубилась в плавный поток по пузо коня, и лошадка следом. Даже, похоже, не поняв изменения в обстановке.

Прохладная вода, сначала коснувшись задеревенелых ног, привела Панова в чувство. Затем животворящая влага поднялась по пояс, и он ожил почти целиком. Артём, как дитя малое, принялся плескаться. Он зачерпывал воду ладонями и, с блаженством отправляя влагу в лицо, хватал её растрескавшимися губами. Даже, с трудом извернувшись, пристроился на бочок, погрузившись под воду, где жадно пил взбаламученную жидкость и тёр пересохшую кожу тела, стараясь напитаться ею впрок.

Попытке развалиться на дне клетки на животе, перевернувшись, помешала неожиданная загвоздка. Пленник оказался привязан к узилищу тонким канатиком из конского волоса. Артём и раньше его видел, но не придавал этому значения. Тот свисал с крыши и прятался где-то под задницей. Но из-за изрядно откормленного живота Пухля не мог разглядеть предназначение этого шнурка, а когда попытался перевернуться, то оказалось, что он привязан за яйца. Только сейчас в воде он нащупал странный круглый узел на удавке, охвативший его мошонку.

Предпринятые усилия избавиться от привязи — не увенчались успехом. У узла не было кончика. Тот, похоже, прятался в само́м переплетении. Правда, тут же с облегчением осознал, что петля не затягивается. Странный узел. Но вот на хрена́ это конвоирам было нужно — непонятно. Пленник находился в таком состоянии, что открой они клетку, так он и выползти бы из неё не смог, не то что куда-то бежать. Плюнув на неприятное обстоятельство, Артём поспешил заняться водными процедурами, насколько позволяли ограничения.

Конвоиры мыться ему не мешали. Они были заняты примерно тем же, только с коней спрыгнули в воду, оставив животных стоять на стремнине реки и жадно пить, чем-то напоминая верблюдов, запасающих воду впрок. Сами же перебрались на мелководье и то ли купались, то ли стирались, то ли одновременно делали и то, и другое. Позже, раздевшись догола и разложив одежду на прибрежной траве обтекать, они не пошли купаться сами, а принялись обихаживать лошадей.

Артём, напившись от пуза и через боль, с большим трудом обтерев себя, куда дотянулся, вновь принял сидячее положение и только тогда заметил, что конвоиры устроили стриптиз. Старшая, без одежды и чулка на голове, оказалась молодой девушкой лет двадцати. Жилистая, мускулистая, с мелкой грудью, но большими толстыми сосками, что с самими титьками смотрелось несоразмерно. Хотя умытое личико оказалось даже симпатичным. А странная шапка, что красовалась на её голове, похожая на чулок, оказалась хранилищем длинной рыжей косы в руку толщиной.

Панов даже облизнулся, на несколько секунд приклеившись взглядом к её великолепной косе. Хоть и говорили девки не по-русски, но русскость в отмытом виде так и пёрла из них наружу. Он даже не подумал о том, что такие косы могли быть и в других странах, и у других народов. Но у него такая причёска ассоциировалась исключительно с Родиной. И фигурка девушки ему приглянулась — аж что-то зашевелилось, привязанное верёвочкой к клетке. Вот что мужики за народ? При́смерти, еле живой, в полуобморочном состоянии, а туда же.

Ему всегда нравились только стройные и спортивные девушки, как его Светка. И он бы никогда и никому не признался, что не столько любил подобных фитоняшек, сколько им завидовал. У Артёма почему-то никогда не получалось худеть так, как это расписывают в интернет-роликах. Пробовал сто раз. Но как только понимал, что всё это дохлому припарка, тут же бросал издевательство над организмом, лишний раз доказывая себе, что интернет — развод чистейшей воды. Хотя прекрасно знал, что из всего объёма информации по этому поводу лишь 2% доказуемы.

А вот молодка Панова совсем разочаровала. Что называется — ни кожи, ни рожи, и жопка с кулачок. Тощая, плоская, без малейшего намёка на развитие вторичных половых признаков. На лобке даже растительность только-только начала проклёвываться. Девчонка оказалась совсем молоденькой, хоть и рослой. Какие там пятнадцать? Судя по голому виду — лет двенадцать, не больше. Совсем ещё ребёнок, а грязная, да в седле с плёткой в руках — выглядела прямо галимой амазонищей.

Стоянка у степной речки оказалась недолгой. Попили, поели, наполнили кожаные мешки водой, оделись во всё мокрое и поехали дальше. Короткие водные процедуры, да ещё то, что удалось как следует напиться, позволили Панову вроде бы ожить. Он принялся смотреть по сторонам, хотя особо смотреть было не на что: степь да степь кругом, параллельно мыслями вновь возвращаясь к проклятому понедельнику.

Эпизод 4. Жизнь постоянно даёт трещины: когда — мелкой сеточкой, когда — разлетаясь вдребезги.

После увольнения, сорвавшись с работы злым и обиженным на весь мир, он, не отдавая отчёта своим действиям и наплевав на неадекватное состояние, сел за руль и поехал домой. По пути, скрепя зубами, глотая слёзы обиды и матерясь, Артём два раза чуть не стал причиной аварии. Первый раз он подрезал едущую по главной дороге машину слева, даже не думая пропускать, хотя, услышав яростный сигнал и визг тормозов, осознал, что натворил. Но водитель белой «Хонды» оказался опытным и успел увернуться от столкновения с «китайцем» Панова.

Второй случай произошёл на перекрёстке, где сам чуть не въехал в чей-то бампер, забыв о тормозах, когда впереди все машины мирно стояли, ожидая зелёного света светофора. Ему даже пришлось притереться к отбойнику, что, конечно, поцарапало машину, но до чужой всё же чуть-чуть не доехал. Только после этого, постояв минуту с включёнными аварийками, собрался и постарался дальше рулить внимательнее. Говорят, опыт не пропьёшь: научился ездить — не разучишься. Эти общеизвестные слова каждый водитель вспоминает при виде крылатых ангелов на том свете.

Мало того что бочи́ну ободрал, так ещё, паркуясь возле дома, притёр машину к высокому бордюру, отчего с хрустом лопнул колпак на колесе. Лишний раз выругавшись, Пухля заглушил двигатель, упал грудью на руль, подложив руки под голову, и затих. Полежав несколько минут, Артём почувствовал, как отпускает эмоциональный тремор, и он размяк, решив для себя: «Да и хрен с ними со всеми. Я нормальный программист, можно сказать, непризнанный гений. Без работы не останусь. Такие спецы, как я, на дороге не валяются».

А зря. Самоуверенность в оценке собственной нужности всегда приводит к обратному. Особенно это касается женщин. Каждая, подающая на развод, уверена, что найдёт в сто раз лучшего мужчину, чем это уёбище, но в результате не находит никого, даже в сто раз худшего. Вот только осознание того, что она дура, приходит лишь умным, и то впоследствии. А реальные дуры так дурами и остаются. Потому что глупость не лечится и, как правило, является посмертным диагнозом.

Артём, решив для начала успокоиться, отдохнуть, поесть и выспаться, прежде чем принимать судьбоносные решения, закрыл машину и поднялся на пятый этаж. Открыл входную дверь, удивившись, что она оказалась закрытой только на верхний замок, причём лишь на один оборот. Он, уходя на работу, всегда закрывал на два, а Светка, убегая в спортзал, — даже на оба замка: верхний и нижний. Но это Артёма не насторожило. А вот войдя в прихожую, замер. Из спальни доносились звуки бурного секса, причём это была не звуковая дорожка при просмотре порнухи, а самый настоящий живой спектакль с голосом его содержанки в главной роли.

Потерявшись от неожиданности и пребывая в прострации, хозяин дома на ватных ногах подкрался к спальне, двери которой оказались распахнуты настежь, и в очередной раз остолбенел на пороге, не веря собственным глазам. Прямо на их кровати его Светку трахал здоровенный амбал с хорошо прокачанной спиной и объёмом бицепсов, как у Артёма — перекормленные ляжки. А может, и больше.

Несмотря на любовную эйфорию, сожительница его заметила, резко перестав изображать неземное блаженство, и секунд пять тупо пялилась на Панова выпученными глазами, после чего попыталась скинуть качка с себя, завопив: «Муж пришёл!» И вот тут культуристу надо отдать должное. Видимо, он не только мышцы тренировал, но и не раз попадал в подобные ситуации. Уж больно слаженно отработал по сигналу тревоги.

Застигнутый врасплох любовник не стал метаться или пытаться прятаться. Он, молниеносно подскочив с кровати и крутанувшись в воздухе, врезал обескураженному «мужу» в челюсть ногой. Сила удара была такова, что Артём не просто рухнул на пол, а каким-то образом умудрился оказаться обратно в прихожей. И только там, собрав вещи с вешалок, под их ворохом окончательно успокоился, отключившись. Олень, помни: наличие рогов не даёт тебе никакого преимущества в драке за самку.

Какие разборки происходили между любовниками дальше, он, естественно, быть свидетелем не мог, так как находился без сознания, но, придя в себя через некоторое время, побитый Артём застал рыдающую Светку на кухне. Она трясущимися руками прикладывала кубик льда из морозилки к заплывшему лицу. И это выглядело глупо. Что там этот кубик сделает с фингалом на пол-лица и заплывшим глазом? Ситуация для неё сложилась патовая: ни в травмпункт не пойдёшь, потому что ментов вызовут, и ходить с таким унизительно. Синяк — это метка позора, который сам проходит со временем, выделенным для морального унижения.

Странно, но этот нокаут окончательно успокоил Артёма и вернул адекватное восприятие мира. Все неприятности, происходящие с ним до этого, моментально забылись. Он неожиданно понял, что означает быть прибитым пыльным мешком по голове — именно в этом состоянии он и находился. Чувства притупились, как и мысли. Ни одной острой. Все тупые.

Панов давно пребывал в шатком равновесии перед принятием решения об их дальнейшей со Светкой жизни. С одной стороны, с этой «девочкой от фитнеса» надо было заканчивать и искать себе нормальную женщину — что называется, для дома, для семьи. С этой он точно заводить детей не собирался. Но с другой — его до этой поры она устраивала и как секс-партнёрша, и как радость для глаз, возбуждая в нём зависть и постоянное желание собой заняться.

Но как это бывает: не всегда наши желания соответствуют нашим возможностям. Сбросить лишний вес он хотел и время от времени принимался за физические упражнения. Даже годовой абонемент купил в тот же зал, что посещала Светка. Но как только понял, что похудеть с помощью физической нагрузки можно лишь в одном случае — занимаясь ей вместо еды, — то всё встало на круги свои. Заставить себя не есть по вечерам он не мог. А когда ещё есть, если ты двенадцать часов на работе, где одни перекусы и литры сладкого кофе?

К тому же его ещё обидел тот факт, что, получив от любовника по морде, лёд для себя любимой она нашла. А вот в каком состоянии пребывал гражданский муж — даже не поинтересовалась. А может, этот качок его убил, и в прихожей под грудой тряпок лежит хладный труп? Ей было на это абсолютно насрать. И вот эта капля оказалась для Артёма последней.

— Собирай вещи, — проговорил он спокойно и холодно, стоя на пороге кухни, — и чтобы к вечеру тебя здесь не было.

Светка, услышав его голос, вздрогнула, не заметив, как Панов подкрался. Зарёванным, единственно зрячим глазом она уставилась на уже бывшего «кормящего папика» и хотела тоже было что-то сказать сквозь слёзы, пытаясь состроить жалость на изуродованном личике, но Артём её опередил:

— Я всё сказал. Сейчас я уйду, но, если, вернувшись, застану тебя, то вышвырну к лифтам в том, в чём будешь, и с тем, что будет в руках.

С этими словами развернулся и ушёл, громко хлопнув входной дверью. Выйдя из подъезда, Артём замер, встав на перепутье с вечным вопросом: «Что делать?» Челюсть болела. Он даже допускал, что качок её сломал. Может, пройти в травмпункт? Сказать, мол, шёл, упал, очнулся, явился за оказанием помощи. Наверняка больничный выпишут. Мелкая, но всё же подлянка бывшей организации. Им его оплачивать придётся. Но как подумал, так и отмахнулся. Мелкие пакости хороши лишь для успокоения души, а он и так качком был «успокоен» дальше некуда.

Брать машину отказался сразу, потому что, помимо челюсти, голова гудела водопроводной трубой. Даже не так. Будто он залез в дырку от осколка Царь-колокола, а какой-то мудак

приложился по нему кувалдой типа «понедельник». Поэтому ещё раз осмотрелся вокруг и решил просто прогуляться ножками. Это и полезней для здоровья, и способствует процессу «подумать». А подумать было над чем.

Перейдя дорогу в направлении пруда, вокруг которого разбит опрятный сквер, в сам парк не пошёл. Там дворник с громкой ветродувкой на бензиновом движке, сметал листья с дорожки, разнося их по газонам. Звук агрегата в его состоянии резал, как серпом по яйцам. Артём посмотрел с упрёком на работника ЖКХ в оранжевой жилетке и пошёл вдоль дороги в направлении, противоположном теребящему больную голову рёву. Здесь тоже была асфальтированная дорожка, но уже без парковых красот и скамеек.

«Надо будет потом этому качку спасибо сказать», — подумал Артём. Именно благодаря его хорошо поставленному удару вся эта эмоциональная пена, что бурлила в нём с самого пробуждения, схлынула, оставив лишь одно: злость на себя.

— Ну что ж, — прошептал он сам себе, мерно вышагивая по тротуару, — надо начинать новую жизнь.

И именно после этих слов раздался тот самый злосчастный визг тормозов, и произошло непреднамеренное убийство его «колесом судьбы» от самосвала. И сейчас, сидя в клетке, Артём с удивлением подумал: «Надо же, какой день выдался». Будь он верующим, то ни на миг бы не усомнился, что всё произошедшее подстроено специально какой-то всемогущей силой. Ну не бывают такие совпадения. Не бывают.

Эпизод 5. Умирать надо всегда с закрытыми глазами, чтобы не видеть радости на лицах рядом стоящих.

К вечеру, когда кавалькада достигла первых лесных островков посреди бескрайней степи, Артёму стало совсем плохо. Он с завидной регулярностью начал погружаться в беспамятство. Было ощущение, что балансирует на зыбкой грани между сном и явью, никак не в состоянии «вырубиться» совсем или, наоборот, очухаться. Желания приходить в себя уже не было, но и навсегда забыться не позволяла сука-боль, словно назло смерти удерживая его на этом свете.

Колотил озноб. Однозначно поднялась высокая температура. Всё говорило о том, что раны воспалились и этот процесс пошёл вразнос. Артём не исключал, что началось заражение крови, и с горечью посетовал, что даже в этом новом мире ему осталось жить всего ничего. Отключки случались всё чаще и продолжались с каждым разом всё дольше. Его всё больше и больше затягивало небытие. На стороне смерти играло время, а с ним играть бессмысленно. Время — это шулер, у которого даже костяшки домино на руках козырные.

Наконец, находясь в полубреду, он осознал, что его тащат волоком по траве, а затем, подняв, грубо бросили на что-то твёрдое и ровное. Встряска возымела для болезного благие последствия: разум вырвался из липкой дрёмы, почти совсем засосавшей сознание в болото вечного сна, заставляя встрепенуться. Артём с удивлением понял, что уже ночь и действо происходит на большой поляне, окружённой тёмной стеной леса. Вокруг было светлó от множества костров.

Он валялся на залитом кровью деревянном столе на боку, неестественно скрутив позвоночник и безвольно раскидав ноги, уподобляясь покойнику. Перед ним, в свете двух костров, суетились странные бородатые мужики, одетые с головы до ног в разномастные меха, что явно не соответствовало погоде. Их лица были сплошь испещрены татуировками. Сначала он подумал, что попал в пресловутый ад, а это не мужики, а черти, но тут же в этом усомнился. Он не слышал о чертях без рогов и в наколках. Эти экземпляры больше походили на беглых уголовников.

Один из них, держа окровавленный нож, неспешно подошёл к Артёму, валявшемуся безвольной куклой, бесцеремонно схватил его за кисть, вытянул руку и одним отточенным движением вскрыл вены. Как ни странно, но Панов ничего не почувствовал. Совсем. Ни боли от пореза, ни удручающих ощущений от потери крови, слабыми толчками покидающей его тушку. Он смотрел на это, словно всё происходило не с ним. И рука не его, и кровь чужая. И вообще, почему он не может двигаться? Он же ещё не умер. Или всё-таки умер?

Раздался многоголосый, перебивающий друг друга гомон, и бородатые мужики резко ускорили мельтешение. Откуда-то из темноты леса вышел щуплый старичок во всём белом, с седыми лохмами ниже плеч и такой же седой бородой до пояса. Дед выглядел древним, высушенным, и лицо его было до неузнаваемости обезображено множеством шрамов. Он был одет в обыкновенное женское платье типа сарафана, но, судя по реакции остальных на его появление, дедушка был явно главным во всём этом бедламе жертвоприношения. А в том, что это было именно оно, Артём не сомневался.

Следом за стариком, с натугой, еле передвигаясь под весом тяжёлой ноши, маленькими шажками семенили два здоровенных детины. Они тащили на двух дрынах, как на носилках, котёл с явно расплавленным металлом — уж больно на это было похоже. Старик, не дойдя нескольких шагов до лежавшего Артёма, обошёл невысокий пень или колоду и, закрыв собой обзор, остановился. Мужики же, нёсшие расплавленный металл, подтащили котёл к этой колоде и принялись осторожно выливать содержимое непонятно куда.

Резко посветлело, но ненадолго. Несуны́-разливальщики, сделав своё дело, отступили, ставя ношу на землю, которая тут же зашипела от соприкосновения с травой. Дед обошёл колоду, занимая их место, и тут Артём увидел, куда мужики лили металл. Это был не пень и не колода. Это была глиняная подставка, в торце которой располагалась выдавленная форма для литья. И сейчас она, заполненная расплавом, светилась неестественным светом. Такое обычно только в кино показывают, когда надо у зрителя вызвать ощущение чего-то сверхъестественного.

Форма оказалась небольшой. Артёму даже стало непонятно, зачем для её заливки притащили целый котёл. Светилось кольцо в кольце. Внешнее — сантиметров десять, а внутреннее — меньше спичечного коробка́. Но тут зарево стало угасать, и Панов обратил внимание, что кольца связаны между собой перемычкой, но не прямой, а то ли куском окружности, то ли широким началом спирали, превращая остывающую заготовку в подобие футуристического колеса с ободом, ступицей и единственной изогнутой спицей, которая могла играть при определённых условиях роль амортизатора. Артём смотрел на него, не в силах отвести взгляд и не мигая, и когда кто-то, ухватив его за ногу, грубо скинул со стола, образ этого фантастического колеса запечатлелся на роговице, словно негатив на фотоплёнке.

Падая, он интуитивно ожидал боли, но той не последовало. Панов не только не чувствовал собственного тела, но и управлять им больше не мог. Никак. Мало того, он не дышал, и сердце не билось. Артём чётко осознавал, что умер, но при этом видел и водил глазами из стороны в сторону, но не мог их закрыть. Веки не слушались. И куда бы он ни направлял зрачок — выжженный на радужке узор следовал за взглядом, запечатлевшись точно посередине поля зрения. Чуть прокатившись по горе трупов, Артём замер, застряв в нагромождении.

И тут Панова охватило изумление — первая эмоциональная реакция после «предварительной смерти», как он обозвал своё состояние. Прямо перед его лицом лежала с остекленевшими глазами та самая курносо-рябая девчонка-конвоир, что доставила его сюда. У неё было перерезано горло. «Суки, — выругался он мысленно, — что же это за твари? Девок, получается, тоже на заклание сюда отправили?» Лицо девчонки застыло в маске ужаса. Если бы Артём мог, то передёрнулся бы всем телом, настолько это выглядело мерзким и отвратительным. Светящееся колесо стояло перед глазами и не давало возможности рассмотреть детали, но ему и общей картины хватило.

Неожиданно боковым зрением он заметил над её головой слабое свечение размытого пятна. Когда же перевёл на него взгляд, ожог на роговице совпал с точно таким же двойным кольцом над головой покойницы и словно впитался в него, оставив блёклые, но чёткие контуры. Артём перевёл взгляд на распоротое горло, где кровь уже почернела, сворачиваясь, и осознал, что ожог на роговице пропал. Он больше не маячил перед глазами. Но при этом едва подсвеченные кольца над головой покойницы никуда не делись, став чёткими.

И тут между ними бросили очередное мёртвое тело, отворачивая Артёма от убитой девочки. Перед глазами появился новый объект. Это был парень. Молодой. Бородка у парнишки только начала отрастать, формируясь из подросткового пушка. Пацан судорожно и очень быстро дышал, и над его головой тоже светилось колесо, но, в отличие от рябой покойницы, оно было ярким и частично заполненным.

Между большим и малым обручем находилась странная трёхцветная субстанция. Цвета были взболтаны в мешанину, но при этом не растворялись друг в друге, отталкиваясь, как жир от воды. Субстанций было три: молочно-белая, контрастно-чёрная и промежуточная — серая. Эта смесь трёх цветов едва заполняла самое дно промежутка между кольцами и соединяющей их спиралью. Краски постепенно, подобно скисшему молоку в кипятке, свёртывались, застывая причудливыми кляксами и постепенно уменьшаясь в объёме, будто выпариваясь.

В центральном круге дрожала в такт дыханию золотая жидкость, похожая на расплавленное золото, прямо на глазах с каждой секундой убывая. Она словно вытекала или улетучива-

лась из кольца, но куда это жидкое золото исчезало — было непонятно. А когда она совсем истаяла, пацан глубоко вздохнул и замер, полностью расслабившись. Колесо над его головой обесцветилось, став таким же призрачным, как и у девчонки. Он умер.

А ещё, когда Артём смотрел на убывающую золотую субстанцию, то, как в «РеалРПГ», различил привычные арабские цифры, бегущие по убывающей, словно электронный таймер с обратным отсчётом. Причём непонятно откуда, но он знал, что целая часть числа указывала на продолжительность жизни в годах, а вот после запятой — проценты года. Откуда у него было это понимание? Что вообще с ним происходит? Но найти ответы на эти вопросы не успел. Картинка перед глазами начала мутнеть, темнеть, и в конце концов его взор погрузился в абсолютную черноту. По всему выходило — на этот раз он умер окончательно.

Эпизод 6. Попасть в историю и влипнуть в историю — вещи разные.

Забвение, на удивление, продлилось недолго. Не больше минуты по внутреннему ощущению, в течение которой рассудок никуда не делся, продолжая анализировать увиденное. А потом к Артёму резко вернулась боль. Причём не только в голове и шее, но и во всём теле. Особенно она резанула в области живота. Рассудок с трудом собрался в кучу, в каком-то аварийном режиме, и он неожиданно осознал, что висит в воздухе в распятом состоянии. «Это что? — подумал он в панике. — Я не умер? И меня решили добить таким изощрённым способом?»

От натяжения рук и ног все суставы буквально выламывало, но это была тупая ноющая боль, в отличие от острой в районе живота, затмевавшей собой все остальные. Голова безвольно свисала, и, с трудом приоткрыв склеенные кровью веки, Артём как раз увидел то, что причиняло нестерпимую резь. Он висел над залитым кровью полом, на котором валялись его кишки. ЕГО, грёбаные садюги! Живот, потеряв содержимое, сдулся, и Пухля теперь отчётливо мог видеть, что творилось под ногами, чего раньше никогда не получалось. Панов с расстройства хотел было выругаться, но, осознав, что языка, как и зубов, по-прежнему нет, только обиженно засипел, пытаясь зареветь. Но вдобавок к имеющимся неприятностям понял, что заодно умудрился сорвать голос. Похоже, он тут орал как сумасшедший, но ничего из этого не помнил.

С трудом приподняв голову, насколько смог, Артём осмотрелся. Это был уже не лес и не поляна с горой трупов. Он находился в капитальном кирпичном помещении, напоминавшем тёмный подвал, а ещё больше — средневековую пыточную, судя по антуражу. Воздуха не хватало. Воняло кровью, прокисшей помойкой и деревенским сортиром, за которым хозяева не ухаживали, пожалев дешёвой хлорки. Неожиданно в поле зрения попало странное существо, вид которого заставил Артёма забыть о несоответствии помещения нормам санитарии.

Ростом — метр с кепкой. Лохматый, как будто бедолагу током шибануло, сделав причёску одуванчиком, да так и оставило, залакировав. И всё туловище было ворсистым, но там шерсть скаталась в грязные колтуны и стоять дыбом не могла априори. Панов сначала решил, что на странном уродце тулуп, вывернутый мехом наружу, но, прищурившись и наведя резкость, понял, что это его натуральная, собственная шерсть. Но как только заметил над головой едва светящееся двухсоставное кольцо, даже про это забыл.

«Колесо жизни», как для себя стал называть это явление Артём, походило на те, что он уже видел, но кардинально отличалось содержимым. Между кольцами плескалась субстанция только одного цвета — чёрного. То, что эта хрень напоминает густую маслянистую жидкость, стало заметно, когда непонятная сущность двинулась в его направлении. Субстанция выглядела вязкой и напоминала нефть в прозрачном сосуде.

Кроме того, центральный круг уродца был залит не золотом, а чем-то, напоминающим ртуть, и циферки в нём светились запредельные: 180,34. Пока Артём, раскрыв беззубый рот, пялился на это сказочное недоразумение, посчитав грязного и лохматого мужичка за домового, тот небрежной походкой вразвалочку подошёл к висевшему Панову. Брезгливо пнул валяющиеся на полу кишки, которые даже с места не сдвинулись, и, потянувшись грязной ручонкой, принялся проводить манипуляции, словно теребил рану на животе. Артём его прикосновения не почувствовал, но боль резанула такая, что аж в глазах темно стало, и он вновь засипел, зажмурившись.

— Су-ка, — еле слышно прошипел распятый, стараясь произнести это ругательство по слогам членораздельно, стискивая от злости дёсны и пытаясь выжать слёзы, которые никак не выжимались, оставляя глаза болезненно сухими.

Но существо лишь мерзко, всё тем же шёпотом, захихикало. По всей видимости, причинение боли для этой твари доставляло неизгладимое удовольствие. Артём зло раскрыл прищуренные глаза, уставившись на светящиеся кольца садиста, и по какому-то наитию представил, как протягивает руку и раскрытой ладонью размазывает рисунок колеса со всем его содержимым. И даже не удивился, что у него получилось.

Существо моментально схлопнулось с глухим чмоканьем в нечто неопределённое. То ли в чёрный клубок с выпирающими тут и там петлями толстых нитей, то ли в трёхмерную разбрызганную кляксу. А сам рисунок колеса превратился в мазню. Словно нарисованный мелом на доске, он был предварительно оплёван и размазан его праведной рукой. От колеса осталось лишь бесформенное светящееся пятно, потерявшее контуры.

Чёрный аморфный шарик с бешеной скоростью покатился, то и дело подскакивая на собственных выступах, и скрылся в кирпичной стене. «Это что? — в недоумении мысленно спросил сам себя Артём. — Это я домового прикончил? Или что я с ним сделал?» Но додумать он не успел, так как где-то справа мерзко скрипнула открывающаяся дверь. Панов с трудом повернул голову, кося́ взглядом, насколько позволяло беспомощное положение. И тут заметил сначала стол в углу, заваленный грудой объедков, за которым, уложив голову в меховой шапке, кто-то спал, а только потом — втиснувшегося в низкий и узкий проём двери толстяка.

Вошедший был очень странным на вид. Лысая, отполированная голова сверкала в отблесках свечного освещения, как зеркальный шар на дискотеке. Настолько она была очищена от волосяного покрова и вымазана чем-то светоотражающим, создавая эффект полировки из области фантастики. А вот всё его одеяние, напротив, представляло собой какой-то абсурд — плод воображения чем-то обкуренных арт-модельеров или киношных дизайнеров, на последние копейки из подручных средств костюми́рующих очередное малобюджетное фэнтези.

Больше всего его прикид походил на безразмерный мешок из-под картошки, утеплённый внутри мехом, длиной ниже колена, у которого углы обстригли и между ними в дне тары прорезали дырку. Вот в эту дырку и была вставлена блестящая голова с лоснящейся от жира красной мордой, а в обрезанные углы впихнули руки, на которые натянули меховые нарукавники мехом наружу. А ещё у мешка на спину был откинут огромный меховой капюшон на всю ширину плеч. На хрена́ мешок обшили, судя по виду, дорогим мехом — непонятно. Это всё равно что привокзальную бомжиху, не отмыв и не приодев, обвешать бриллиантами.

На ногах красовались вычурно разукрашенные золотой вышивкой красные сапоги с острыми задранными носами — какие в киносказках про царя Гороха показывают. Сочетание нарядных сапог и мусорного мешка с подогревом выглядело обескураживающе. В те времена, когда Рой сказки снимал, он бы наверняка сошёл за сказочного злодея. А злодеи все одеты дорого-богато, но стрёмно.

— Бориска, — обратился вошедший сиплым голосом к спящему за столом пьянчужке, напомнив Артёму Вицина из «Джентльменов удачи».

Судя по всему, обратился он по-русски. По крайней мере, Панов его понял без переводчика, да и акцента у прозвучавшего «Бориска» слышно не было. А вот когда толстяк этого Бориску, не отреагировавшего на его зов, назвал по фамилии, Артём, и так находившийся в распятом состоянии с выпущенными кишками, вообще выпал в осадок всеми мозгами.

— Годунов, итить твою перемать. Восстань, пиьяница окаянный!

Но Бориска Годунов даже ухом не повёл, а вот в речи будящего послышались нотки неслабого алкогольного опьянения, вяжущего язык. А когда вошедший по стеночке направился к столу, Артёму стало понятно, что этот «упи́т» хмельным ничем не меньше Бориски. Только что ещё не спит, а непонятно где шарахается.

Добравшись до собутыльника и пристроившись за спиной, толстяк ухватил его за шиворот обеими руками и резко оторвал пьянь окаянную от деревянной подушки. Тот что-то нечленораздельно заканючил одними гласными. Попытался неуклюже отмахнуться, но, не понимая,

откуда совершается вредоносное воздействие, зло махнул рукой наотмашь и что-то с грохотом уронил со стола на пол.

— Восстань, глаголю! Ныне тесть твой Малюта сам грядет. Зде потребно есть прибратися.

Бориска встрепенулся, услышав имя родственника, и даже попытался сфокусировать зрение, с усилием прищурив для чёткости один глаз вместе со всей половиной лица. Он, как пить дать, уставился на висевшего у стены Панова, но через несколько секунд распознавания сообразил, что это не то, что ему надо. После чего выпрямился, стараясь собраться, и перевёл пьяный взор на входную дверь.

— Емеля, — гаркнул Годунов заплетающимся языком, явно кого-то вызывая снаружи, — где же еси ты? Иди сюды, скоть.

Бориска выглядел гораздо младше Артёма. Если бы не пьяная маска расслабленности на лице, то Панов счёл бы, что ему и двадцати нет. Но не это удивило распятого. Да причём настолько удивило, что, едва живой под пытками, он даже про боль забыл. Поднятый со стола Бориска был в шапке набекрень, в красной косоворотке, а на шее на цепи висело… золотое колесо. То самое, сука, колесо, при создании которого он не только лично присутствовал, но и прежнюю жизнь отдал без остатка, принеся собственную кровь в качестве подношения.

Тут в низкую скрипучую дверь протиснулся мужичок, по виду из простых. Лапти с намоткой, штаны в заплатах, дерюжка на плечах какая-то, на манер короткой куртки. Без шапки, но с модной причёской под горшок.

— Что ти потребно, господине? — пробурчал мужичок, явно не так давно получивший от «господине» по шее, потому что одно ухо было лиловым и по виду опухшим.

— Убери со стола сего, — отдал распоряжение Годунов, махнув на содержимое трапезной. — Да сперва зелье от похмелья подай.

Емеля, словно зная, зачем зовут, был готов к такому поручению. Он протянул хозяину керамический сосуд размером с маленькую бутылочку кока-колы, который заранее держал в руке. Затем вынул из-за пазухи большой мешок, расправил, пристроил к торцу стола и одним махом сгрёб рукавом всё содержимое в мусоросборник, не разбирая и не сортируя отходы на тару, посуду и остатки съедобного. После чего вторым рукавом навёл на столе финишный лоск и, оглядев дело рук своих, глазом профессионала окинул пыточную. Остановив свой взор на висевшем Артёме, поинтересовался:

— А сего ли вынести? Аль еще жив есть?

— Сие остави, а то Малюта речет, яко тунеядствуем, — пробурчал в ответ Годунов, уже изрядно отхлебнув зелья и морщась, тряся головой от противности.

Он начал подниматься, теряя хмель на глазах. Емеля, видя, что господин больше не настаивает на исполнении его трудовых обязанностей, схватил мешок с мусором и шустро юркнул в открытую дверь, которую, видимо, специально за собой закрывать не стал, оставляя возможность быстро ретироваться от греха подальше. Когда же створка за ним закрылась, Бориска зыркнул на косяк — плотно ли дверь прикрыта, — и заговóрщицки поинтересовался у приятеля, хватаясь за колесо:

— Ведаешь ли, что то есть?

— Познал аз, — тоже перешёл на шёпот непонятный собутыльник в меховом мешке, который и до этого не слишком громко сипел. — Не коло есть то судьбиное, но лепша вещь сия буди.

— Марокканец, не томи душу, — поторапливал его Годунов, то и дело поглядывая на дверь. — Что им творят?

— Се есть вещица, чаяния исполняющая, — отвечал ему Марокканец, задирая указательную сардельку пальца к потолку, как бы ставя в своей речи восклицательный знак. — Токмо держись за ню да желай сердцем чего хошь. И сбудется то.

— Брешеши, — не поверил ему молодой Годунов, покрепче цепляясь в золотой обруч двумя руками.

— Яз со духами своими беседовал, а духи лгать не горазды, — припечатал сиплый толстяк, как отрезал, подкрепляя сказанное ударом ладони по столу.

— А коли восхощу царем учинитися? — не успокаивался Фома неверующий.

— Быти посему, — не повёлся Марокканец, продолжая настаивать на своём.

— Да ну тя к лешему, — постарался перевести всё в шутку Бориска. — Коли бы оно хотения творило, ты бы мя давно извёл да себе прибрал.

— А мне то без потребы есть, — перестав шептать, уже громче засипел тот, кого Бориска назвал Марокканцем. — Яко аз желаемаго достигох. Яко государь, Урал мне даде в царство, тамо аз буду царь. Аки под конец жития богом пребуду. А царствовать на Москве? Се дело неблагодарное есть.

Тут дверь с визгом распахнулась, и в полупри́седе в пыточную ввалился здоровый мужик бандитской наружности. Был он в лохматой шапке, толстом тулупе и в огромных сапожищах на меху. С усищами, как у Будённого, и рыжей бородой в два клина, торчащих в стороны. На левой щеке — заметная родинка. Взгляд острый, злой и опасный. Про таких говорят, мол, во всём лишь врагов видят, даже на собственное отражение в зеркале без подозрений не взглянут. И никого за своих не признают — ну, окромя царя-батюшки, конечно. По крайней мере, на словах да на людях.

Судя по всему, смекнул Артём, это ещё одна историческая знаменитость — Малюта Скуратов собственной персоной. Этот тоже удивил Артёма своим возрастом. Сбрей усы с бородой, и окажутся Малюта с Пановым одногодками. Никак не ожидал человек из будущего, что столь знакомые исторические личности окажутся так молоды.

Но что среди таких знаменитостей, как Скуратов и Годунов, делает этот толстяк? Кто он такой? Что за Марокканец? Какой, к чертям, царь на Урале? Никого с таким прозвищем Панов из своих знаний по истории времён Ивана Грозного что-то не припоминал. Да и по истории родного края никого подобного не было. Хотя тут же посетовал, что историю по определению не знает никто. А писаная, что в школах преподают, она и есть писаная. Это не история, а за уши притянутые и откровенно фальсифицированные инсинуации, рождённые с одним умыслом: привить незрелым умам гордость за страну, в которой они родились. Другой полезной нагрузки «наука история» не несёт.

Ворвался Малюта столь стремительно, что подельники от неожиданности даже вздрогнули, а Бориска как держался за золотое кольцо, так и замер с ним в руках. Не успел ни спрятать, ни прикрыть, ни отвернуться. Что называется, спалился на горячем. И морда у него была соответствующая: тупая паника.

— Что се есть у тебе? — тут же с порога приступил к допросу прокурорским тоном начальник, уставившись на амулет. — Где украл еси?

Годунов слегка присел, словно в штаны наложил, прилагая недюжинные усилия, чтобы придумать хоть какую-нибудь отговорку. Но на помощь пришёл Марокканец, который, видимо, больше с головой дружил, чем молодой Бориска.

— Боголеп, изъятое у лиходеев злато перековал во клеймо смертное для страстотерпцев, — начал он отмазывать собутыльника. — Аще им опалити почившего, то душа мести творити не возможет. В церкви же освятил, яко подобает.

Малюта грозно осмотрел пыточную. Заметил распятый недотруп и, указав на него кивком, потребовал:

— Яви зрети.

Годунову ничего не оставалось, как явить пред очи высокопоставленного тестюшки своё «изобретение», только что выдуманное изворотливым умом Марокканца. Он снял с шеи цепь. Вынул кольцо. Подошёл к мученику и, взяв золотой амулет клещами, сунул его в тлеющие угли.

А когда нагрел докрасна, отработанным движением припечатал раскалённое колесо на левую грудину Артёма, повыше соска. Панов изогнулся всем телом, сипло заорал от нестерпимой боли. Но вопль из горла вырвался такой, словно шею затянули петлёй виселицы в качестве шумоизоляции, после чего резко обмяк и умер в очередной раз.

Подошли Малюта с Марокканцем. Посмотрели на выжженное на груди лиходея клеймо. Но тестюшка не оценил изобретение зятя. Он сплюнул в сердцах под ноги и грустно выдал заключение по презентации:

— Всё играешь, аки дитя малое? Едва ли то от души загробной уйти поможет. Обрящут бо нас тамо, в мире ином.

На что молодой Годунов, пожав плечами, с безразличной мордой перекрестился, да и покойника не забыл по-быстрому крестом облагодетельствовать. Но всего этого Артём уже не слышал и не видел.

Эпизод 7. Самое ценное, на чём нельзя экономить, — это знания, нужные для жизни.

Из темноты неожиданно, без какого-либо перехода, возникло видение. Или сон? Если сон, то в подобной фантасмагории Артём участвовал впервые. Перед ним в пустом светло-сером пространстве висело огромное золотое «колесо жизни». А вокруг, куда ни погляди, — «туман войны», где видимость то ли метры, то ли километры. На глаз определить невозможно. Да и от самого Артёма здесь присутствовало только сознание с глазами. Ни тела, ни ощущений, ни чувств, ни эмоций. Голый разум с холодным взором.

Золотая субстанция заполняла срединный круг «колеса» до краёв и при этом казалась живой, невесомо лёгкой, двигаясь сама в себе и переливаясь благородными оттенками. При концентрации на ней внимания чётко различил светящиеся цифры, показывающие фантастическое значение: 398,45, и он откуда-то знал, что эти нереальные числа — его будущая жизнь. Жизнь почти в четыреста лет. По молодости никого не удивляет протяжённость собственной жизни. Если длинная, по их меркам, — то зашибись, а если короткая — облом. Но и в том, и в другом случае удивление отсутствует. Молодые ещё не научились ценить ни собственную жизнь, ни чужую. Вот и Артёма это не удивило. Он воспринял данный факт как должное.

Откуда-то появилось понимание, что он больше не человек, и, как ни странно, это его устраивало. Он не знал наименования себя как феномена, но догадывался, что, попав в земной мир реальности (а он в этом даже не сомневался), название существу, в которое он превратился, обязательно придумают. Люди не могут без этого. Им обязательно надо всё и всех обозвать, навесить ярлыки и промаркировать, создавая иллюзию порядка по принципу: если не знаешь, с чем столкнулся, дай этому название, и сразу появится ощущение, что с лёгкостью познал непознанное.

В промежутках между кольцами огромного золотого колеса также имелись живые краски: белая, чёрная и серая, примерно в равных пропорциях и, к сожалению, в малых объёмах, при разглядывании которых, даже в укрупнённом варианте, приходилось приглядываться. Причудливые трёхцветные завихрения непрерывно перемешивались, создавая нереалистичные картинки сюрреалистичного калейдоскопа, но при любом перемещении цветного хаоса его элементы оставляли чёткие границы между собой нетронутыми. Они перемешивались, но не смешивались. Прямо как у Джеймса Бонда: взболтать, но не смешивать.

Артём откуда-то знал, что это его силы — энергии действия, и даже ассоциацию понял: белая — воздух, серая — вода, чёрная — земля. В совокупности они формировали дары Троицы — Планетарного Элемента Космического Разума. Три краски — три аккумулятора для работы его дара, и за их зарядкой он теперь обязан будет следить самостоятельно, контролируя объём в любое время дня и ночи. Он знал, как какой восстанавливать, и не видел в этом

проблем, вот только не понимал, откуда у него эти знания. Самое правильное название его состояния в этом сером мире — дежавю. Он словно постоянно вспоминал то, что по каким-то причинам забыл.

Энергия действия формировалась на основе физического состояния тела, которое должно стать гибким и податливым, как вода, сильным и прочным, как земля, выносливым и упругим, как воздух. И эти три компонента обязаны сосуществовать уравновешенными, развиваться в равных пропорциях, потому что от их тройного баланса будет зависеть объём резервуара, а значит, и общая сила дара. Параметры своего прежнего тела Панова однозначно не радовали. А ещё возникло сожаление, что не наградили стартовым бонусом. Изначальных сил было маловато — разгуляться было не на что. Но это дело поправимое, подумал перерождённый. Подкачает ещё до нужных кондиций.

Сейчас Артём понимал, как отнимать у других энергию, лишая сил и возможностей, или, наоборот, добавлять, даруя мощь творца. Он знал, как укорачивать и продлевать жизнь, управляя уровнем золотой субстанции. Он чувствовал своё всемогущество и колоссальную ответственность, ибо по образу и подобию Всевышнего мог творить суд и даровать милость всему сущему. Откуда эта ответственность взялась, он не понимал, но точно знал, что должен сдерживать себя определёнными рамками дозволенного, которые он сам для себя и должен определить.

К сожалению, людские доминанты, взобравшиеся на вершины власти по головам, берут на себя право распоряжаться жизнями подвластных, наплевав на последствия для себя и полагая, что им не перед кем держать ответ за свои поступки. И Артём теперь откуда-то точно знал, что они правы. Никто с них за это не спросит. И нелепые утверждения о каре небесной и загробном суде с неминуемым наказанием можно с уверенностью засунуть в задницы тем, кто это проповедует.

Во-первых, Высшим Силам плевать на моральные потуги людей, потому что моральность к эволюции не имеет никакого отношения. Человечество для них — паразитарная планетарная плесень, и как явление — временное. А во-вторых, доминантность прописана в людях на биологическом уровне, и вытравливать биологию из биологической жизни могут только полные идиоты, задавшиеся целью уничтожения разумной жизни на Земле.

Артём всё это воспринимал не сам по себе, рождая данные констатации из ничего. Несмотря на то что в этом странно пустом мире от него существовал лишь рассудочный взгляд, он был уверен в присутствии где-то за спиной великой ангельской сущности с человеческим наименованием — Престолы. Той, кому подвластно время начала и конца всего сущего. Той, кто правит участью всего, что составляет Вселенную, — Искусственного Космического Разума Вершителя, который сплетает узлы для принятия решений всего огромного космоса.

Именно эта всемогущая сущность даровала ему знания, передавая их посредством понимания. Они всплывали у Артёма в голове, словно он обладал ими всегда, но запамятовал. А вот теперь неожиданно вспомнил. Причём вспомнил в мельчайших деталях и подробностях. Это было круто. Даже как-то резко подскочила самооценка: он почувствовал себя причастным к чему-то великому даже по космическим меркам. Много ли человеку надо: признали его важность, и он по наивности счастлив, полагая себя незаменимым.

Когда Артём освоил интерфейс управления жизнью в полном объёме, сущность Престолы, не предупреждая, приступила ко второму уроку — познанию вселенского программирования, способного менять неизменное и создавать не существовавшее. Искусственный Космический Разум на примере показал, как производится плетение узлов событий по запросу, формируя реальность в нужном контексте.

Перед «взглядом разума» Артёма образовалась плоская квадратная коробка. Она очень напоминала шахматную доску, только имела бортики по краям. Контейнер был заполнен квадратными плашками, на аверсе которых светились странные и непонятные знаки, настолько

сложные по конфигурации, что запоминать их не имело смысла. А раз смысла в этой процедуре не было — Артём и не запоминал.

Квадратики со знаками, как шахматные клетки, заполняли поле коробки восемь на восемь практически полностью, оставив лишь одно пустое место в правом нижнем углу. Не утруждаясь подсчётом, Панов пóходя отметил для себя, что таких плашек 63, а сознание зачем-то уточнило, что девять по семь. Они все, кроме одной, имели зеленоватую подсветку символов. Только единственная, чуть выше и левее центра, — красноватую, резко выделяясь своей неправильностью.

И тут до Артёма дошло понимание, что это не просто плашки со знаками, а клавиши причудливой клавиатуры. Он мысленно потянулся к красноватой клавише воображаемой рукой, нажимая её, как кнопку. Та поддалась. Ощущений никаких, но реакция на его виртуальные действия последовала моментально. Утопленная клавиша сначала вернулась на место, а потом плавно, но достаточно быстро увеличилась, приближаясь к оператору и превращаясь в такое же шахматное поле из 63 клавиш, только с другим расположением символов.

В этом контейнере уже не было красноватых полей, но были два жёлтых, и осознание подсказало, что эти символы стоят не на своём месте. Кроме того, пустая клетка находилась не снизу доски, как в первом случае, а внутри массива по центру, ближе к левому краю. Пришло понимание, что так детализировать каждую клавишу можно чуть ли не до бесконечности, но вместе с ним и уточнение: делать этого не имеет смысла.

Жёлтые клавиши, стоящие не на своём месте, озадачили Панова. И как их выковыривать? А самое главное: где они должны стоять? Но тут к делу подключился учитель. Он, используя пустую клетку, принялся перемещать плашки. Это напомнило Артёму детскую игру в пятнашки, только игровых костей здесь было не 15, а 63, и как только ученик понял принцип перемещения, Искусственный Разум ускорился до запредельных скоростей. Квадраты со знаками перед взглядом ученика слились в единую светящуюся мешанину, а вскоре и вообще в светящееся размытое пятно.

Наконец всё резко замерло, и картинка на доске стала статичной. Пришло понимание, что нет смысла следить за ходом операций. Смысл есть только в финальной картинке. Каждая такая визуальная матрица девять на семь — это событийный узел, приводящий к задуманному результату. Сам процесс его создания не важен. Важен результат. Человеческий мозг не в состоянии просчитать все возможные комбинации, а вот озадачить этим Искусственный Разум, задав цель, — Артёму вполне под силу. По сути, ему предлагалось запрашивать конечный результат на языке визуального программирования, а вот Искусственный Разум показал, как это будет реализовано на уровне машинного кода.

Он понял, что именно так работает исполнитель желаний. Надо только задать конечный результат того, чего хочешь. Если запрашиваемое просто и сил для реализации достаточно, то оно исполняется мгновенно. Если же это что-то сложное и требует прорвы энергии, то исполнение растягивается во времени. Достижение цели будет разбито на этапы, формируя необходимые узлы событий, в итоге приводящие к цели. При этом энергия будет забираться соответствующими порциями у того, кто запросил.

Вновь сформированное поле знаков уже не содержало ошибочных элементов. Все клавиши подсвечивались зелёным. Перед глазами Артёма появилась прозрачная человеческая рука с растопыренными пальцами, которая, собравшись в щепоть, уменьшила доску обратно до размеров клавиши, вставшей на своё место в исходной матрице. Теперь она уже не светилась красным, а, как и все, радостно зеленела.

Получив понимание этого процесса, ангельская сущность Престолы перешёл к следующему уроку. В пустоте космического пространства с далёкими звёздами, неожиданно появившимися вокруг, материализовалась огромная раскрытая ладонь, на которой появился

странный куб, состоящий из маленьких светящихся сфер. Он напомнил Артёму неокуб из магнитных шариков, из которого, как из пластилина, можно конструировать различные фигуры.

Сверху возникла вторая рука, которая, коснувшись гигантским указательным пальцем угла светящегося куба, смяла строгие грани, создав на его идеальной форме локальный хаос разрушения. В голову Артёма мгновенно влилось понимание: никто не способен сломать человеку жизнь, кроме него самого. Все разговоры о стороннем воздействии — ложь. Каждый индивид — демиург собственного бытия. Только он принимает решения, тем самым производя изменения в структуре своей жизни собственноручно.

Выбор — это исключительная прерогатива выбирающего, и никто не может сделать это за него. Однако и за ошибки при принятии решений в обязательном порядке следует наказание, погружающее жизнь допустившего просчёт в бедственное положение. Но кажущийся жизненный тупик — это не приговор, а всего лишь усложнение будущего выбора.

Артём задумался. Как понять, какое решение правильное, а какое — нет? И как исправлять? Чередой новых выборов, смысл которых не понимаешь? Нужно иметь компьютерные мозги, заточенные на глубокий анализ, чтобы хотя бы в первом приближении просчитать последствия того или иного решения. А как быть обычным людям, не умеющим столь скрупулёзно анализировать, которые по простоте душевной, наделав ошибок, загнали себя в самую глубокую задницу, которую только нашли?

И тут же сам себе ответил: в этом случае самое простое решение — кардинально поменять жизнь, приведшую к такому положению. Сменить окружение и начать строить бытие заново, с чистого листа. В принципе, как он и планировал. Только обязательно надо избавиться от всего, что может напоминать о прежней жизни: от внешней среды, окружающих людей, привычек. Изначально лист должен быть чистым. Это он почему-то понял особенно отчётливо.

Но здесь его настигло очередное понимание-подсказка, что имеется менее радикальный способ. Да, даже Высшие Силы не могут напрямую влиять на выбор человека, но никто им не запрещает намекать и подсказывать. Вселенная заинтересована в эволюции каждого единичного сознания, независимо от его природных способностей и стартовых позиций при рождении. Подсказки даются по жизни каждому сознанию без исключения. Они таятся в окружении. Их просто надо найти и понять. Почему подсказывают загадками? Да потому что эволюция сознания — это развитие умения думать. Нет никакого смысла Космическому Разуму давать прямые указания индивидууму. Это не только не научит его думать, но и отобьёт всякое желание вообще этим заниматься.

А вот если кто-то получает прямые указания свыше, то тому стоит задуматься об их авторах. Так могут себя вести только духи предков. Но вот какие цели те преследуют — вопрос. Духи — патологические эгоисты, и если они что-то советуют, то делают это исключительно в своих интересах, а не в ваших. У духов нет души — субстанции, основанной на социальных эмоциях. Поэтому они не могут любить, ненавидеть, сопереживать, проявлять заботу о потомках. Им плевать на вашу жизнь с высокой колокольни рая или с края адского котла преисподней. Вы для духов — источник их потусторонних благ, и они всегда пытались, пытаются и будут пытаться вертеть вашей жизнью исключительно во благо себя любимых.

Никогда не стоит слушать, если кто-то нашёптывает решение или напрямую указывает его во снах или наяву. Прежде всего надо задаться вопросом: а кому это выгодно? Мне или обитателям загробного мира? Зачастую, когда почившие предки не могут возвыситься в своём духовном мире по природе своей никчёмности, то начинают вести себя как последние сволочи, по принципу: если мне плохо, то пусть всем живущим потомкам будет ещё хуже. Но так как воздействовать ваши предки могут только на вас благодаря родственному ДНК, то и попадаете под этот принцип только вы, огребая из-за их подсказок кучу проблем и откровенно скотское существование. А ещё болезни, невезуху и прочие прелести в придачу, помогающие сволочным предкам чувствовать себя более значимыми на фоне вашего ничтожества.

С ними надо просто научиться играть в поддавки. Хотят всеобщего обожания — да пожалуйста: помним, чтим, уважаем. Вы самые-самые, самее не было в селе. А как духи покупаются на откровенную лживую лесть — кто бы только знал. А если им пропеть дифирамбы (от вас же не убудет), то с их помощью сможете все свои болячки победить и жизнь не укоротить, да ещё кое-что материальное поиметь — например, клад отрыть, коль кто из предков закопал да с собой унести не смог.

Но тут произошло то, что оборвало на корню нелицеприятные размышления Артёма о своих предках, которые, он так и не понял, откуда-то взялись в голове. Раньше он об этом никогда не задумывался. Да он вообще не знал и не верил в эту эзотерику.

Эпизод 8. Если человек хочет жить, медицина бессильна, но плоды не своих побед она никогда мимо рта не пронесёт.

Запищала медицинская аппаратура. Заверещала, как недорезанная. Эта сирена привела Артёма в сознание, выдернув из небытия. Он приоткрыл глаза-щёлочки и как-то сразу сообразил, где находится. Здесь не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что оказался в больнице. Причём, судя по обстановке, в реанимации.

Под аккомпанемент истеричного писка электроники в палату ворвалась медсестра, запакованная с головы до ног в медицинскую спецовку цвета циан. Даже шапочка для душа на голове и респираторная маска оказались в тон. Она заполошно, почти в состоянии паники, пробежалась глазами по показаниям аппаратуры и только потом обратила внимание на пациента, который, заворотив зенки, внимательно за ней следил.

— Очухался? — вполголоса с высшей степенью удивления спросила она, похоже, саму себя, не до конца веря в увиденное, и, не дожидаясь ответа, так как вопрос был риторическим, задумчиво добавила: — Этого не может быть.

— Что с ним? — послышался другой женский голос, и к кровати больного подскочила заспанная женщина в годах в точно такой же спецодежде, на ходу цепляя за уши маску.

— Спонтанно вышел из комы, — тут же, не веря очевидному, отчиталась медсестра, уточняя: — По показаниям — всё нормально. Даже удивительно. И взгляд осознанный.

Над Артёмом склонилась зрелая особа медицинского пола — судя по поведению, дежурный врач. Её заспанные глаза говорили лишь о том, что на дворе ночь, когда все нормальные люди спят. Она прекрасно видела внимательно следившие за ней глаза пациента, но тем не менее включила пальчиковый фонарик, раздвинула Артёму веки и принялась мучить его светом. Он попытался отдёрнуть голову, но тут же понял, что, кроме глаз, у него опять ничего не работает. Одно успокаивало: язык с зубами на месте.

Наконец закончив пытку, доктор убрала фонарик в карман халата и почему-то шёпотом спросила:

— Вы меня слышите? Если слышите — моргните.

Он моргнул. Ему не жалко. Тем более ответить голосом Артём не мог, потому что нос и рот закрывала маска для подачи воздуха. По всей видимости, он был подключен к системе принудительной вентиляции лёгких.

— Судя по показаниям приборов, он дышит самостоятельно, — поставила в известность медсестра откуда-то из-за головы Артёма.

— Вижу, — почему-то недовольно ответила ей врач и после паузы добавила: — И без показаний.

Тут подоспели на подмогу ещё врачи, и вокруг кровати больного завертелась рабочая карусель медработников, хорошо знающих своё дело. Что-то шустро отключали, что-то, наоборот, подключали. Сменили капельницы на обеих руках. А когда наконец успокоились, вроде как дежурный врач, наклонившись, спросила:

— Вы говорить можете?

— Наверное, — прошептал Артём, мгновенно осознав, что в голос разговаривать всё же не получается.

Язык хоть и присутствовал, но казался чужеродным элементом во рту, которому Артём, тем не менее, обрадовался. Губы ссохлись до такой степени, будто их клеем намазали и тот давно засох, сковывая их движения. Ощущение, надо сказать, так себе.

— Вы помните, что с вами произошло? — задала она следующий вопрос.

Артём прекрасно помнил и что с ним произошло в первой жизни, и во второй, и в третьей, но, не будучи дураком, понимал, что об этом стоит помолчать, а то к общей реанимации подключится ещё и психиатрия. Да и вообще, а вдруг он переродился в другом человеке, в другом мире и в другом времени? Теория попаданцев намертво въелась в сознание современной молодёжи. Тем более он испытал её на собственной шкуре. Артём воспринимал пока своё положение как писанное вилами по воде, поэтому нейтрально соврал, решив дождаться хоть какого-то разъяснения ситуации, в которой оказался.

— Нет, — прошептал он после долгой паузы, делая вид, будто вспоминал, но так и не вспомнил.

— Вы попали в автомобильную аварию. Вернее, вас ударило отлетевшее колесо самосвала, — принялась помогать ему с восстановлением памяти врач. — У вас черепно-мозговая травма и сложные переломы шейных позвонков. Удивительно, как вы выжили. Что последнее помните?

И вот тут Артём однозначно облегчённо выдохнул. Получалось, что после того чёртового колеса он в этом мире не умер, а был доставлен в больницу, где его прооперировали, и всё время путешествия по другим временам и весям его изломанная тушка находилась здесь, в реанимации. Но как же дар? Он же прекрасно видит жизненные кольца над головой каждого медика. Такое не могло прижиться во сне. Такое можно было получить только там, где он его получил.

Но, подумав ещё пару секунд, решил: раз для этих людей он не умирал, то можно и вспомнить то, что они хотят.

— Да, я помню летящее на меня колесо самосвала, — прошептал он, показывая врачу, что память начала возвращаться.

— Прекрасно, — неожиданно обрадовалась та.

— Да что ж тут прекрасного? — удивился Артём, зашипев на неё, как змея перед укусом.

— Мало того, что выжили, молодой человек, при такой травме, так ещё, похоже, память не потеряли, — объяснила свою радость врачиха. — Вы вообще у нас феномен какой-то. Молитесь теперь на хирурга, что вас оперировал. Сергей Сергеевич у нас волшебник. Что называется, хирург от Бога.

«Эх, знала бы ты, с каким феноменом имеешь дело», — подумал Артём, разглядывая её «колесо жизни», но вслух ничего говорить не стал. И про Сергея Сергеевича спрашивать не стал, догадавшись, что это какой-то важный доктор в этой больнице, который владеет скальпелем, наверное, так же хорошо, как он машинным кодом.

На какое-то время пациента оставили в покое. Но стоило наступить утру и дневному свету сквозь жалюзи проникнуть в реанимационную палату, как к нему в гости заявился тот самый важный доктор. Это можно было понять и по внешнему виду, и по свите, что лебезила, следуя за ним, и по командной манере общения с персоналом.

— Так, — начал он звучным баритоном ещё с порога, — где у нас тут рождённый заново?

Артём вздрогнул, услышав подобное, но, увидев улыбающегося и очень располагающего к себе невысокого, но явно хорошо питающегося мужичка лет пятидесяти, сразу успокоился. Тот был абсолютно лысым, без шапочки и маски на лице, что указывало не только на то, что он мог себе позволить пренебрежение к правилам санитарии, но и на отсутствие комплексов по поводу причёски.

Артём хотел было первым делом изучить его «колесо жизни», но появившееся в поле зрения крупным планом лицо доктора приковало к себе большее внимание. Во-первых — рот. Он был словно надрезан по краям, отчего выглядел всегда улыбающимся, даже если хозяин его и не думал радоваться. Во-вторых — брови. Края их были вздёрнуты, образуя широкую складку

на лбу. И вообще, Сергей Сергеевич внешне производил впечатление добряка и весельчака по жизни. Хотя внешний вид, как известно, мог быть и обманчивым.

Ведущий хирург, как Артём его для себя определил, заявился в реанимационную палату в обычном белом халате, на котором красовалась эмблема «Склифа», что сразу дало понять Панову о конкретном месте своего пребывания. Ну правильно. Куда его могли ещё привезти после встречи с колесом от самосвала? Только в институт имени Склифосовского.

Важный доктор, наклонившись, начал подозрительно пристально изучать лицо Артёма, уделяя внимание в первую очередь глазам, а из-за его спины, судя по голосу, приступила к докладу дежурная врач, допрашивавшая Панова ночью.

— Самостоятельно вышел из медикаментозной комы в четыре часа тридцать две минуты утра. Сердечная деятельность без патологий. Сразу начал дышать самостоятельно.

— Удивительно, — глухо пробасил Сергей Сергеевич, продолжая разглядывать пациента.

— Когда мы поспешили на сигнал аппаратуры, — продолжила доктор, — взгляд его был осознанным. Пациент слышит, говорит только шёпотом и всё помнит. Локомоторные функции затормóжены. Продолжается действие медикаментов, но дальнейший ввод исключили. Капельницы поменяли на физраствор с глюкозой.

— Ты меня слышишь? — поинтересовался доктор, продолжая нависать над Артёмом практически в упор.

— Да, — шёпотом ответил больной.

— Замечательно, — похвалил его Сергей Сергеевич и тут же спросил: — Как тебя зовут?

— Артём, — не стал припираться Панов.

— А полностью? — не успокаивался доктор, очень внимательно следя за реакцией пациента.

— Артём Сергеевич Панов, — отрапортовал больной всё так же шёпотом.

— Артём Сергеевич, — перешёл врач на обеспокоенный тон, понижая голос, при этом продолжая пристально глядеть в глаза пациента, — ты меня пугаешь.

— Чем? — удивился Панов.

— Тем, что так не бывает, — тихо, вполголоса продолжил Сергей Сергеевич, словно боялся, что толпа за его спиной подслушивает. — У тебя голова была вдребезги, а шейные позвонки — всмятку. С такими травмами нормальные люди не выживают. Кстати, первая скорая, приехавшая на ДТП, констатировала смерть и вызвала труповозку. А вот те, приехав, устроили скандал, так как ты оказался жив. Приехала ещё одна реанимационная бригада. Стали тебя грузить, а ты возьми и опять умри. Хотели переложить в труповозку — ты опять ожил. Ты представляешь себе психологическое состояние работников трёх бригад скорой помощи, собравшихся вокруг тебя?

— Представляю, — прошипел Артём и даже попытался изобразить улыбку.

— Вряд ли, — тоже улыбнулся доктор, продолжая общаться вполголоса. — Они чуть с ума все не посходили. Там ещё только психиатрической неотложки не хватало для полного комплекта. Благо один из врачей оказался смышлёным. Он догадался: жив ты или нет, зависит от положения головы. Чуть повернули — ты мёртв. Вернули на место — жив. Если честно, я бы не хотел быть на месте тех врачей, кто тебя паковал. Хорошо, что это были наши врачи, российские, а у нас же в стране как: если что сломалось — надо изолентой замотать.

Артём хмыкнул, ещё больше расплываясь в улыбке, поинтересовавшись:

— Изолентой замотали?

— Почти, — согласился доктор. — Только мы же медики. У нас свои закидоны. Они запаковали тебя в гипс. И как только тот застыл, загрузили и привезли сюда. Сначала мы все дружно посмеялись над этим, а потом я лично тому, кто такое придумал, спасибо сказал. Правда, наму-

чился я с этим гипсом от души. Надо же было додуматься на открытую рану его наложить. Я не столько твои мозги собирал, сколько этот чёртов гипс выковыривал.

— За что же вы тогда им спасибо сказали? — спросил Артём, глядя уже не в глаза, а рассматривая его «колесо жизни», которое оказалось очень любопытным.

— А за то, что шею зафиксировали как надо, — хмуро проговорил Сергей Сергеевич, не меняя при этом улыбчивого лица. — Там оказалось ещё хуже, чем с головой. Ну ничего. Похоже, справились. А пугаешь ты меня, знаешь чем?

— Чем?

— Прошло всего девять суток с момента окончания последней операции и погружения тебя в медикаментозную кому. Всего девять. Во-первых, из медикаментозной комы самостоятельно не выходят. Это невозможно. На то она и медикаментозная. А во-вторых, за девять дней после того, что с тобой произошло, и того, что мы добавили, в себя не приходят чуть ли не совершенно здоровыми. Ты кто такой?

Вот тут Артём испугался по-настоящему. Неужели доктор уже сталкивался с подобными ему? Но Сергей Сергеевич его тут же несколько успокоил следующим вопросом:

— И почему вокруг твоей персоны эфэсбэшники кружат, как мухи, сам знаешь над чем? Хотя меня мало волнует, что ты за носитель такой и какой секретной информацией обладаешь. Или ты сбежал из их лабораторий?

Страх тут же сменился непониманием.

— Ниоткуда я не сбегал, — прошептал Артём обиженно. — Я программист в области искусственного интеллекта и работал по госконтракту на оборонный заказ. Вот и все секреты. Но я уволился ещё до этого грёбаного колеса. Не понимаю, какие у них могут быть ко мне вопросы?

— Хорошо, — закончил диалог Сергей Сергеевич, выпрямляясь и добавляя: — Ну, на фоне всех неприятностей есть и хорошая новость.

Он посмотрел на Артёма, широко улыбаясь.

— Какая? — просипел больной.

— Ты бесплатно похудел, — торжественно припечатал хирург, от души расхохотавшись.

Артём облегчённо вздохнул.

— Это радует, — прошептал он скорее самому себе, чем доктору. — За одно это можно было не только под колесо, но и под весь самосвал лечь.

Но Сергей Сергеевич его уже не слушал, начиная раздавать команды направо и налево.

— Давайте его на рентген головы и шейного отдела, и плёнку с описанием ко мне на стол.

— КТ не надо делать? — спросил незнакомый для Артёма женский голос.

— Пока нет, — ответил хирург, направляясь к выходу. — Пока хочу видеть только общую картину. Но рентген сделайте всесторонним.

На этом большая делегация покинула палату, в которой осталась только ночная дежурная, всё ещё не сменившаяся. Она подошла, устало посмотрела на пациента и как бы между прочим спросила:

— Артём Сергеевич, у вас болит что-нибудь?

— Нет, — продолжая сипеть, ответил ей больной. — Только чешется. Но чешется абсолютно всё.

— Ну, с этим придётся потерпеть, — грустно проговорила женщина, отключая датчики и снимая капельницу. — Сейчас съездим на фотосессию, а там дневная смена придёт и займётся вашими чесалками.

— А который час? — поинтересовался Артём.

— Семь тридцать утра.

— Рановато ваш важный доктор обход делает.

— Этот важный доктор, как ты заметил, — директор Склифа, — хмыкнула женщина. — Он настолько важный, что выше только звёзды. И ничего не рано. Он всегда в это время обход начинает.

— Понятно, — закончил короткий диалог Панов, морально и физически готовясь к тому, что его сейчас куда-то повезут.

Эпизод 9. Несмотря на то что зависть — явление повсеместное, никого не заставишь завидовать лабораторной крысе.

Артёма перевели из реанимации в обычное отделение, но не в совсем обычную палату — одноместную. Сначала он подумал, что здесь опять не обошлось без доблестного ФСБ, которое за каким-то лядом заинтересовалось им до такой степени, что пробили VIP-апартаменты. Но уже через день понял, что контрразведчики здесь ни при чём. Так распорядился директор Склифа, и Панов уже на третий день пожалел об этом. Даже женщина, страдающая от отсутствия внимания, никогда не примет его избыток. Одно дело — досыта напиться, и совсем другое — захлебнуться к чёртовой матери.

На него, как на феномен, набросилась вся свора учёных этого знаменитого НИИ. Что они с ним только не делали! Он одних анализов за всё время пребывания в Склифе сдал столько, что, наверное, все остальные больные не сдали вместе взятые. Какие только эксперименты на нём, бедном, не ставили, какими приборами не изучали! Медики от науки готовы были разобрать его на органы, органы — на клетки, клетки — на атомы, атомы — на спектральные анализы. Дай врачам волю — и пациент потерян.

Через неделю мучений он прочувствовал на собственной шкуре, что значит быть лабораторной крысой. Артём даже хотел выйти на связь с контрразведчиками и сдаться им на допросы, признавшись, что он враг народа и подпольный агент всех вражеских разведок, лишь бы закончились эти садистские эксперименты медицинского характера. Решил: пусть уж лучше пытают привычными методами, но тут же осёкся в своём желании, резко отказавшись от подвалов контрразведки: эти хоть, разбирая обратно, собрать могут, а те только разбирать умеют.

В какой-то момент Панов даже хотел заняться практикой своего дара, поубивав всех эскулапов к чёртовой матери, но воздержался, осознав, что тогда его точно упекут в какую-нибудь закрытую лабораторию и изучать станут ещё изощрённее. Причём дистанционно, с применением робототехники. А то и просто грохнут и закопают поглубже в безымянной могиле, посчитав за угрозу человечеству. Поэтому терпел, сопел, но подчинялся, делая вид, что ничего не понимает из того, почему так быстро выздоравливает. А здоровый пациент — недопустимый прецедент в медицинской практике, создающий предпосылку к врачебной безработице.

Где-то на двадцатый день после очередного изуверского опыта к нему в палату впервые допустили постороннего, никак не связанного с медициной. Но этот факт не обрадовал, так как им оказался куратор от ФСБ их компании, которого он хорошо знал по его нудным и малоприятным «собеседованиям». Прямо как в пословице: «Помяни опера — и он с наручниками появится».

Несмотря на то что куратор был моложе его года на два, вёл себя офицер ФСБ как старая прожжённая сука. Ну, у них других просто не бывает. За время работы у компании сменилось уже два куратора. Это был третий. Но все как под копирку. Сразу видна профессиональная подготовка «Дзержинки»: шаг вправо, шаг влево — пять лет расстрела с ежедневным некрологом в прошнурованном, пропечатанном и упрятанном в сейф журнале расстрельного дежурного.

Марк Анатольевич, как звали эфэсбэшника, не стал рассусоливать и сразу пошёл в наступление. Родина ценит. Родина зовёт. И всё в таком духе. Мол, все во всём разобрались: кому надо — что надо вставили, кого не надо — наградили, и всё в том же ключе. Бла-бла-бла.

Наговорил много, но из всего сказанного Артём понял лишь, что его ждут с распростёртыми объятиями обратно на незаконно освобождённое место.

Директор, если надо, лично принесёт извинения и всё простит путём выписывания премии. Правда, сам лично вручить не сможет, так как лежит в больнице с инфарктом. Ну ведь могут работать, когда кого-нибудь надо угробить. На что Панов изобразил такую страдальческую физиономию, какую и подобает иметь нормальному больному при таких увечьях.

— Какая работа, Марк Анатольевич? — мучительно простонал Артём, продолжая играть роль немощного, стоящего одной ногой в могиле. — Мне как минимум светит инвалидность после всего случившегося. Вторая, а то и первая группа.

— Не прибедняйтесь, Артём Сергеевич, — тут же парировал эфэсбэшник, — максимум третья. А она рабочая. Я уже консультировался с врачом. А учитывая вашу уникальную регенерацию, то и вовсе выпустят без ограничений при устройстве на работу. Весь институт только и говорит, что главврач совершил чудо. Так что вы ему теперь по гроб жизни обязаны. Вы поймите, Артём Сергеевич. Вы являетесь носителем совершенно секретной информации, военной и государственной тайны. Хотите вы или нет, но мы за вами просто обязаны будем присматривать. Не усложняйте жизнь себе и нам. Вернитесь в отдел. Так всем будет проще.

— Давайте поговорим об этом позже, — продолжил стонать Артём, понимая, что этот клещ не отцепится. — Сейчас об этом говорить рано. Да и непонятно, что с мозгами. Смогу ли я так же работать, как раньше? Одно дело — заживает как на собаке, и другое — мозги. Там заживать нечему, Марк Анатольевич. Там связи либо сохранились, либо дурак дураком. Вот по этому поводу медики пока ничего ясного сказать не могут.

— Хорошо, — согласился куратор, видя, что подопечный в откровенный отказ не пошёл, а это значит, что он его потом в любом случае додавит. — Вот ваши документы, мобильник, ключи и личный ноутбук, — сменил он тему, выкладывая на тумбочку всё вышеперечисленное из пухлого портфеля. — Не спрашивайте, как это всё у нас оказалось, но всё в целостности и сохранности.

А вот этому жесту невиданной щедрости Артём обрадовался, как дитя малое — новогоднему подарку от Деда Мороза. Связи с внешним миром не хватало катастрофически. Он еле дождался, когда куратор покинет его палату, и первым делом кинулся к мобильнику, который, как ни странно, оказался заряжен. Первый звонок — маме, но абонент оказался «не абонент». С номером отца — то же самое: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Последней надеждой связаться с родственниками была бабушка. Набрав её, услышал долгие гудки и даже вздохнул с облегчением, но грубый мужской голос на том конце тут же разрушил все надежды.

— Да, — недовольно рявкнул мужик. — Кто это?

Артём на пару секунд замешкался и, неожиданно даже для самого себя, проговорил:

— Простите, но этот номер принадлежит Марии Геннадьевне. Или я ошибся?

— Померла твоя Мария Геннадьевна, — рявкнул мужик. — Я купил этот телефон у её соседки. И не звони сюда больше. Задолбали.

И прервал звонок. Отсутствие на связи всех его близких одновременно и смерть бабушки привели Артёма в состояние прострации, плавно переходящей в депресняк. Что могло произойти? Почему родители сами до него не дозвонились? Он ведь уже больше месяца не звонил домой. И они даже не забеспокоились? Это на маму не похоже. Но и как-то по-другому с ними связаться было невозможно. С компьютером родители не дружили от слова «совсем». У них его даже не было.

Единственный девайс, который родичи смогли освоить, — это мобильник. И то только звонки и СМС. Никаких социальных сетей, электронной почты и прочей лабуды. А тут и телефоны выключены. В груди защемило. Навернулись слёзы. Он словно почувствовал, что с ними

что-то произошло. Но как и у кого узнать? И тут на ум пришёл только что покинувший палату куратор. Вот через кого можно всё выяснить. Даже если он не знает, то сможет узнать. И Артём решил, что если родители не позвонят в ближайшее время, то при следующей встрече с Марком Анатольевичем, а в ней он не сомневался, обязательно того напряжёт выяснением судьбы предков.

Эпизод 10. Встреча двух людей — как столкновение галактик: можно слиться в нечто общее, можно разойтись краями, нанеся взаимные повреждения, а можно пройти сквозь друг друга и не заметить.

После наведывания эфэсбэшника на следующий день с него, наконец, сняли ненавистный гипсовый ошейник. С одной стороны — бальзам на душу, но с другой — мышцы атрофировались, и держать тяжёлую голову наотрез отказались. Надели другой ошейник — ортопедический. Но с этим хоть жить было можно. Даже иногда отстёгивать липучки и лежать со свободной шеей на мягкой подушке. Поневоле согласишься с утверждением: хочешь осчастливить человека — верни ему привычное, по недоразумению отобранное или потерянное.

Именно в один из таких моментов обычного человеческого счастья, вечером, при тусклом свете коридорного освещения, он решил полюбоваться на своё похудевшее тело, ну и, чего греха таить, порадоваться за него. Он чувствовал, что стал значительно легче себя прежнего. Вот так через задницу, как и всегда бывает, сбылась мечта идиота о стройности фигуры. Но, только пристроив голову на подушке и принимаясь расстёгивать больничную пижаму, кося́ глаза вниз, чтобы разглядеть отсутствие пуза, он замер в ступоре. Сначала даже не поверил в увиденное. Потрогал пальцем. Потом, наслюнявив его, потёр, но оно было реальным и стираться отказывалось. В том месте, где Годунов, сука, поставил своё клеймо в прошлой жизни, красовалась татуировка в виде «колеса желаний». Причём татуировка была набита золотом!

Аккуратно поднялся с кровати, стараясь щадить хилую шею, и, шоркая по полу носками, передвигаясь как на лыжах, добрался до туалета, где над раковиной висело небольшое зеркало. Включил свет и замер. В зеркале никакого «колеса желаний» не отражалось! Но тут же, тихонько опустив взгляд на левую половину груди, отчётливо увидел золотую татуировку.

— Что за чёрт? — поинтересовался он у самого себя, вновь переводя взгляд на отражение, где виднелась чистая кожа.

Как такое может быть? Глазами он колесо видит, а этими же глазами в отражении зеркала — нет. Артём даже включил воду и намочил клеймо, попеременно зыркая то в зеркало, то на грудь. Прижав ладонью татуировку, неожиданно ощутил исходящее от неё тепло, словно колесо манило, предлагая его испробовать. Если бы борьба с искушением была видом спорта, то ни в одном из соревнований не было бы финалистов. Все бы ещё на отборочных этапах сходили с дистанции.

Артём перевёл взгляд на собственное «колесо жизни» в отражении зеркала. Цифры в золотом круге уменьшились на одну сотую. А вот троецветов немножко прибавилось. Правда, ненамного. Но точно прибавилось. И тогда Панов решился на эксперимент. Он накрыл татуировку ладонью и, уставившись на стекло зеркала, захотел, чтобы оно лопнуло.

Раздался сухой щелчок. На зеркале мгновенно образовалась кривая трещина. А у него в глазах резко потемнело, и болезный, потеряв сознание, рухнул, где стоял. Повезло, что, падая, завалился на закрытый крышкой унитаз, что смягчило падение, не дав удариться головой обо что-нибудь твёрдое. Задница протиснулась между фаянсовым горшком и стеной, а больная дурная головушка прилегла на пластиковую крышку унитаза. Там его утром и нашла медсестра.

Естественно, поднялась суматоха. Но как-то быстро она сошла на нет. Никаких негативных последствий от падения медики не обнаружили. А потерю сознания объяснили себе тем, что слабые мышцы шеи не справились с удержанием позвонков, и там что-то замкнуло. С того случая на Артёма стали надевать другой ошейник, который он уже самостоятельно снимать

не мог. И, кроме того, начались усиленные реабилитационные тренировки, чередующиеся с физиотерапевтическим издевательством.

Сначала на процедуры его водила медсестра под ручку. Но уже через пару дней Панов стал спускаться в процедурные кабинеты самостоятельно. И вот, шлёпая как-то на очередную экзекуцию в ошейнике, на этаже, где эти процедуры и проводились, он неожиданно столкнулся со знакомым лицом. Но вот чего он не ожидал — лицо оказалось в медицинском халате и с фонендоскопом на шее.

Это была молодая девушка. Моложе Артёма, но ненамного. Не сказать, что обворожительно красивая, но благодаря молодости вполне симпатичная. Таким обычно мужики дают расплывчатую характеристику: «нормальная, с пивом потянет». Невзрачные светло-серые глаза. Короткая стрижка русых волос «под пацана», не добавляющая женской привлекательности, но при этом она выглядела стройной и атлетично-гибкой, что читалось в каждом её движении и пластике походки. Девушка, что называется, брала не лицом, а телом.

Имея сексуальную фигуру, является верхом неприличия носить такое лицо. В конце концов, женщины придумали и тысячелетиями совершенствовали макияж не для подчёркивания естественной красоты, а для создания красоты искусственной. Макияж в высших своих проявлениях сродни киношному гриму, преображающему любую морду в ту, которая требуется. Ну нельзя, имея тело богини, носить колхозный фейс.

Хотя Артёму показалось, что короткий белый халатик доктора сделал даже её невзрачное лицо привлекательным. Ножки, обутые в изящные чёрные туфли на шпильке, однозначно сделали их стройными. Она не была высокой и без каблуков приходилась Панову по плечо, но на шпильках недостаток роста нивелировался, визуально удлиняя ноги, что однозначно преображало знакомую, переводя её из разряда обычной колхозной доярки в доярку-секси. Он тут же вспомнил её имя — Настя.

Они познакомились совершенно случайно, как тогда казалось Артёму. В один из тех редких дней, когда Пухля в очередной раз решил заняться ликвидацией своего жира и в шесть утра вышел на пробежку по парку в районе станции метро «Измайловская». Он, дурачок, тогда ещё верил, что таким образом можно похудеть. Наивный. Это он позже осознал, что никакая физическая нагрузка вес не сбрасывает и существует только единственный способ похудеть: меньше жрать и больше срать. Даже по этому поводу провозгласил лозунг: «Стань засранцем — похудей, ничего не делая».

Он тогда ещё задумался: диетологов в интернете как собак нерезаных, а нормального специалиста по унитазным делам днём с огнём не найдёшь. Речь не идёт о проктологах и колопроктологах. Те занимаются заболеваниями. А как здоровому человеку научиться срать больше съеденного? Это же нетронутый Клондайк для интернет-бездельников! Стартап на миллионы баксов! Вы только представьте: никаких ограничений в еде, никаких изнуряющих тренировок. Можно есть всё, что хочешь, и сколько хочешь. Главное: отвалить в унитаз по весу больше съеденного. И всё!

Так получилось, что девушка по утрам бегала там же. Она легко обогнала неуклюжего толстяка, который не очень-то и спешил, больше изображая бег на месте, чем кросс по асфальтовой дорожке. Но, увидев со спины фигуристую деваху в обтягивающих легинсах, жирный бегун прибавил скорость. Её грациозный и лёгкий бег, демонстрирующий незаурядную пластику, однозначно спровоцировал своими изящными телодвижениями подъём тестостерона и мужиковатости у Панова.

Он, стараясь не отставать, прилип взглядом к её аккуратной попке, которая, элегантно повиливая, однозначно манила преследовать её. Артём засмотрелся на это гипнотическое действо, даже не обращая внимания на то, что задыхается. У толстяка неожиданно появилась мотивация бежать, которая до этого напрочь отсутствовала. Раньше он только отчаянно застав-

лял себя это делать, а сейчас и заставлять не надо было. Тогда он сделал для себя открытие, что второе дыхание открывается только при наличии мотивации.

Девушка, видимо, услышав за спиной топот мамонта с шипением паровоза (а ни то, ни другое не услышать было невозможно), остановилась, развернулась и недовольно уставилась на еле подбегавшего к ней из последних сил домогателя.

— Не-не, — замотал тот головой и замахал руками, тоже останавливаясь и сгибаясь в три погибели от нехватки воздуха и упадка сил. — Не подумайте ничего плохого. Просто я не могу самостоятельно заставить себя бежать, а за вами ноги сами несут. Правда, не могли бы вы бежать чуть помедленнее? А то я сдохну.

Девушка по-доброму рассмеялась, подошла и, протянув руку, представилась:

— Настя.

— А я Артём — чего пожрём.

Девушка вновь рассмеялась. Толстяк ей явно понравился. Забавный. Дальше, когда он слегка отдышался, они побежали вместе. И на следующее утро бегали вместе. Он ей во время этих утренних пробежек всё про себя рассказал: кто он, что он, где работает, кем работает. Заявил, как и положено самцу, на километр отошедшему от дома, что не женат, в доказательство посетовав: «Кто ж за такого жиробаса пойдёт?». Хохмил. Веселил. Ей, по виду, нравилось. Вот только она про себя ничего не рассказала. Абсолютно ничего. Вся информация, которой Артём владел о своей новой знакомой, заканчивалась тем, что её зовут Настя. И всё.

А на третий день она пропала. И на четвёртый её не было. Она перестала приходить. Сначала Панов подумал, что Настя чем-то занята или на время куда-нибудь уехала по делам. Как партнёрша для секса девушка его абсолютно не интересовала. У него была дома своя, на которую и без этой сил не хватало. А вот как мотиватор для пробежек — даже очень. Но пропал мотиватор, пропало и всякое желание бегать. Выйдя в парк в очередное утро и зафиксировав её отсутствие, он даже не побежал в одиночестве, а развернулся и поплёлся домой, на кухню, заедать свою очередную неудачу в области похудения.

Всё это произошло буквально за неделю до того трагического понедельника. И вот он встречает её в Склифе, в белом халате врача. Вот только ряд моментов насторожил Артёма. Во-первых, на халате не было логотипа института. Она либо не из местного персонала больницы, либо засланный казачок, проникший в клинику нелегально. Паранойя у Панова взвыла тревожной сиреной, потому что, во-вторых, он очень внимательно разглядел её «колесо жизни». К нему приближался… не человек. Она оказалась самкой его, пока непонятного, потустороннего вида.

В центре с золотой субстанцией высвечивались цифры 256,43, а срединный участок был залит в основном одной краской — серой. Невзрачно-матовой, мать её, серостью, что говорило о её принадлежности к воде. Причём уровень этой серости у Насти был достаточно высоким, тогда как белого наблюдалось чуть-чуть, а чёрного изначально он даже не разглядел, настолько его объём был мизерным.

А в-третьих, увидев его, она сильно испугалась. Это было заметно даже невооружённым глазом. Девушка сразу его узнала, несмотря на то, что он с последней их встречи изменился до неузнаваемости. А это могло означать либо то, что она за ним следила, либо ей кто-то слил информацию о нём, и Настя в этой клинике не просто так. И он тут же по какому-то наитию осознал, что она заявилась по его душу. Но с какой целью?

— Артём? — с плохо сыгранным недоумением спросила она, при этом настороженно изучая Панова, словно рентгеном просвечивая его похудевшую фигуру в поисках пояса шахида, который в любую секунду мог рвануть, и поэтому стараясь выдерживать дистанцию. — Ты что, так набегался, что в больницу попал?

Её неестественное поведение и эта дурацкая шутка, сказанная заученно, но не с той интонацией, которая требовалась в данном контексте, окончательно уверили Артёма: её необхо-

димо опасаться. Можно не увидеть бревна в своём глазу, но нельзя не заметить неправильность чужого поведения.

— Здравствуй, Настя, — после долгой паузы напряжённо поздоровался мужчина в ошейнике, даже насильно не желающий проявлять весёлость, обычно присутствующую при неожиданном столкновении с человеком, которого рад видеть.

Артёму захотелось немедленно от этой лжеврачихи избавиться, не понимая, чего от неё ожидать. Он, превратившись в закоренелого параноика, сразу не поверил в случайность их встречи, задним умом сообразив, что, похоже, и первое их знакомство в парке не было случайностью. Он не понимал, что ей от него надо. Не понимал, на что она способна, но сил, судя по заливке, у врачихи было явно побольше, чем у него — хилого и болезненного.

Затем у Панова возникла мысль: а не грохнуть ли её, выкачав энергию жизни? На это сил должно было хватить. Но моментально сам себя обругал. За что? Она ещё пока ничего ему не сделала. Через несколько секунд немыслимого напряжения паранойя неожиданно отпустила. Словно у этой липкой гадости от напряжения перегорел предохранитель. Артём наконец-то осознал, что она его боится, и это само собой дало ему чувство превосходства, а значит, и уверенности. А ещё пришло понимание, что эта непонятно кто наверняка обладала информацией о таких, как он. И знала о скрытом мире реальности куда больше, если учесть, что он вообще о нём пока ничего не знал.

Настя же, наоборот, ещё на подходе была напугана, а увидев враждебную реакцию при встрече, растеряла последнюю уверенность. Она не просто чувствовала себя не в своей тарелке. Девушка, казалось, находилась на грани паники. Она принялась лихорадочно озираться по сторонам, как это делают люди в надежде найти хоть какую-нибудь поддержку, и, не найдя её, попыталась трусливо сбежать.

— Извини, — еле слышно пропищала она испуганно, отводя глаза в сторону. — Мне надо бежать к больной.

Настя суетливо попыталась обойти препятствие в виде злого мужчины, но Артём, совсем осмелев, поймал лжеврачиху за руку, грубо развернул и прямо в лицо сердито и требовательно спросил:

— Ты кто?

Девушка, явно не ожидавшая ничего подобного, опешила и замерла с широко распахнутыми глазами, в которых, абсолютно непредсказуемо для Артёма, сверкнули слёзы. Она неуверенно попыталась вытащить захваченную руку. Он отпустил, не став удерживать, после чего она нервно подышала, глядя в пол, и неожиданно преобразилась в храброго мышонка при виде голодной кошки. Настя с плохо скрываемым волнением попыталась выглядеть уже большой девочкой и с подростковым гонором ответила:

— Я врач. Врач-педиатр, — и, увидев, что Артём смотрит на место, где у всего местного персонала имеется логотип, сбивчиво, то и дело спотыкаясь в словах, уточнила: — Я не работник Склифа. Я практикую в частной клинике, и меня сюда иногда приглашают, так как я один из ведущих педиатров Москвы.

— Я не об этом, — грубо прервал он медичку, начинающую хоть и сдавленно, но истерить. — Хорошо. Я задам вопрос по-другому. Мы кто?

Вот тут Настя разом сдулась, опуская и без того покатые плечики. Вся напускная бравада испарилась, и она опять принялась нервно оглядываться по сторонам, а, скорее всего, лихорадочно обдумывала, что ему ответить и надо ли вообще отвечать. Наконец девушка тягостно вздохнула и выдала шёпотом:

— Мы инолюди.

— Инолюди? — непонимающе переспросил Артём, скривившись, словно не верил в услышанное и посчитал, что его пытаются развести как лоха педального.

— Да, — шикнула она с некой озлобленностью, не поднимая глаз, и, продолжая шипеть, как змея, добавила: — Люди иного мира. Потустороннего. А ты другого места не нашёл для этого разговора?

После чего глубоко вздохнула, всем видом показывая, что старается успокоиться, но у неё это не очень получается, и продолжила:

— Я сейчас к своей пациентке. Когда освобожусь, навещу твою толстую тушку в палате.

— Сама толстая, — неожиданно заявил Панов, делая морду кирпичом.

— Что? — взвилась девушка, поднимая на него глаза и отступив на шаг, принялась себя оглядывать, стараясь понять, когда и в каком месте она успела потолстеть.

Этот его ход порвал у Насти в голове устоявшиеся девичьи шаблоны, но не успела она этого осознать, как он вновь ошарашил её тоном прожжённого ловеласа:

— Я пошутил. Ты очень стройная и красивая.

Настя скривилась, однозначно собираясь зареветь, но тут же резко крутанулась и нервной походкой демонстративно размашисто зашагала по коридору, оставив Артёма без ответа на его жалкий комплимент. А попросту — сбежала, оставив Панова с кучей вопросов. Что это было? Почему она его так боялась? И как теперь жить с тем, что ты инолюдь? И что, чёрт его побери, это такое?

Эпизод 11. Понимание того, что ты никто, не так обидно, как понимание того, что ты — конкретное ничтожество.

Она не пришла ни после его процедур, ни в течение оставшегося дня. Впрочем, он её и не ждал. Артём, поднаторевший на Светкиных «кидаловах», воспринял слова Насти как обещание, которое даётся мужчине лишь бы тот отвязался. Женщины, в отличие от мужчин, всегда хозяйки своему словоблудию: сами наблудили — там же заблудились. Забыть обещание по причине короткой памяти на эти вещи — для них норма. В этом отношении они все девочки, и им можно.

Настя заявилась ночью, когда он уже преспокойненько спал. Она тихо вошла. Поставила стул у кровати. Устало плюхнулась на него, несколько секунд отдыхая, и только после этого принялась тормошить спящего, осторожно тряся за плечо. Девушка уже не выглядела испуганной. На это у неё уже просто не было сил.

— Просыпайся.

Панов спросонок дёрнулся, словно увидел привидение, но медичка его удержала одной фразой:

— Лежи. Не до этикета.

Вот тут он проснулся полностью. Какой, на хрен, этикет, он о нём даже не вспомнил. Просто напугала до чёртиков своим белым халатом, глиста медицинская. Думал, что медсестра вообще оборзела и припёрлась ставить укол в задницу посреди ночи, будто ей дня не хватило. Но, узнав посетительницу и сильно удивившись её появлению, растерялся. Неспешно поправил подушку, чтобы принять полусидячее положение, и, посмотрев в полумраке на однозначно уставшую Настю, с нескрываемым удивлением поинтересовался:

— Это ты только сейчас освободилась?

— Да, — обессиленно выдохнула та. — Случай тяжёлый. Еле вытащила девочку уже с того света.

— У тебя дар — лечить? — изрёк очередную глупость Панов, будто такого дара не могло быть в принципе.

— У меня образование лечить, — спокойно ответила она. — Я окончила медицинский по специальности «педиатр». А по дару я Речная Дева.

— Русалка, что ли?

— Что ли, — вяло передразнила Настя, поднимаясь со стула и направляясь в туалет. — Извини, я умоюсь, а то сейчас вырублюсь. Сил нет.

А вот на это Артём уже обратил внимание. Серость срединного круга «колеса жизни» девушки еле плескалась на дне, став меньше объёмом, чем белая. Сейчас даже перед ним она была беспомощна. Но он как-то сразу выбросил из головы все сценарии расправы над медичкой и решил выслушать. Панов неожиданно осознал, словно получил понимание, как это было в сером мире небытия, что с этой девочкой надо обязательно подружиться. Именно подружиться, а не что-то там другое.

Хотя умные люди утверждают, что дружбы между мужчиной и женщиной быть не может. Она рано или поздно срывается к сексуальным притязаниям. Обманывать мозги, что при общении друзей отсутствуют половые желания, удаётся недолго. Биология берёт своё. И либо на этом дружба заканчивается и начинается разврат, либо друзья становятся врагами и забираются на разные баррикады. Человек — животное. И даже если ему внешне удаётся выдержи-

вать мораль приличия, то в голове он конченный извращенец. А суть индивида определяется не тем, кем он выглядит, а тем, о чём он думает.

Настя вернулась через минуту мокрая, хотя полотенце в туалете на вешалке висело, но она почему-то им не воспользовалась. Халат расстегнула, и под ним виднелось простенькое светлое платьишко, но в сумерках палаты было не разглядеть подробностей. Там то ли цветочки какие были, то ли другой рисунок с мелкими деталями — не столь важно. Уставшая девушка вновь устроилась на стуле и, сжав колени, как застенчивая недотрога, в жизни не видевшая порнографии и даже не знающая, что это такое, начала разговор.

— Что ты про нас хочешь знать?

— Всё, — тут же выпалил осмелевший Панов.

— Я устала и хочу спать, — ответила она спокойно на его притязания по поводу всего и сразу. — У меня нет ни малейшего желания развлекать тебя тут всю ночь. Извини.

— Объясни, кто мы такие. Что за инолюди? — начал он с того, на чём их разговор закончился в больничном коридоре.

— Есть нежить, есть «жить», есть люди и есть нелюди, — начала она объяснение бесцветным голосом. — А ещё есть инолюди. «Жить» порождается Троицей Планетарного Разума: Отец Небо, Мать Сыра Земля и Сын Вод. Соответственно, бывает воздушной, земной и водной. Нежить и инолюдей, таких как мы, порождают ангельские сущности — Элементы Иску́сственного Разума. Их девять разновидностей: Ангелы, Архангелы, Начала, Власти, Силы, Господства, Престолы, Херувимы, Серафимы. Все они — функции Единого Искусственного Разума Вселенной — Всевышнего. Нелюди порождаются людьми.

— Подожди, — прервал её Артём, ни хрена не понимая, о чём она тут монотонно бубнит. — У меня складывается такое впечатление, что я слушаю иностранку, языка которой не понимаю. Можно это всё перевести на русский?

Настя задумалась и после долгой паузы начала с азов, как она себе представляла.

— Наша Вселенная — это яйцо, — выдала она и, замученной училкой, уставилась на тупого ученика, пытаясь сообразить, понял он её императив или нет.

— Яйцо по форме? — уточнил Артём, видя, что девушка чего-то от него ждёт.

— По сути, — припечатала Русалка правильным ответом. — А в любом яйце развивается зародыш. Так вот, в нашей Вселенной эмбрионом является Космический Разум, а сама Вселенная для него — инкубатор. Как он созреет, она разрушится, как и всякое яйцо, и Космический Разум родится. Где эти формы потом обитают — понятия не имею. По своей структуре Космический Разум составной, как матрёшка. Всего в нём сорок два элемента, начиная с планетарных Троиц и заканчивая вселенской Девятерицей. Троица нашей планеты представляет собой совокупность трёх агрегатных состояний: твёрдое, жидкое и газообразное. Соответственно: Мать Сыра Земля, Сын Вод и Отец Небо. Это понятно?

— Это понятно, — столь же издевательски ответил ученик, предполагая усложнение: — А в каждый последующий элемент добавляется новое агрегатное состояние. В Четвёрице — плазма и так далее.

— Не знаю, — ошарашила его училка незнанием ответа. — Будет желание — сам разберёшься. Мне лично это без надобности. Я даже из всей Троицы знакома только с Сыном Вод, потому что ему служу.

— Понял, — успокоил её Панов, видя, что девчонка начинает раздражаться. — А этот инкубатор работает на автомате?

— Нет, — отвергла она его предположение. — Им управляет Искусственный Разум, специально для этого созданный. Его называют Всевышний. Он управляет всеми процессами с помощью девяти глобальных функционалов, которые у людей называются ангельскими сущностями. Все девять чинов я тебе уже озвучила.

Посидели, помолчали. Вернее, Артём обдумывал, а Настя ждала, пока тот переварит информацию. Наконец он неожиданно спросил, вроде как ни к месту:

— А зачем люди порождают нелюдь?

— Себе в помощь, в услужение или напакостить кому, — не понимая, что его в этом заинтересовало, ответила Настя как нечто само собой разумеющееся. — Дом содержать, еду готовить, припасы сторожить, хозяев лечить, детей нянчить — в общем, безотказные слуги на все руки. Но и оружием стать. Убить у них не получится, но запугать до смерти — раз плюнуть.

— Ну так мы — это кто? — вновь вернулся к исходной точке разговора Артём. — Нежить — порождение Планетарного Разума.

— А инолюди, — опередила она его с вопросом, — порождение Искусственного Разума Вселенной. Мой перерод, ну тот, кто переродил, — Архангел. Архангелы — это функции Души Мира, формирующей на планете биологическую жизнь. Как это система работает — понятия не имею. Не интересовалась.

— И ты с этим Архангелом общаешься? — задал вопрос Артём.

— Нет, — устало выдохнула Настя. — Я с ним общалась только в междуми́рье, после того как утонула.

— Давно?

— Три года назад, — призналась Русалка.

Артём, полагая, что девушке будет неприятно ворошить прошлое, решил этот вопрос сразу закрыть, переключаясь на тему более информативную.

— Ладно. Что ещё мне надо знать обо всей этой эзотерике?

— Да много чего, только я сама мало что знаю, — призналась Настя. — Из важного ещё то, что Вселенная триедина. В ней всё имеет троичный баланс. Вот человек, например, состоит из духа, сформированного на основе его ДНК, души в виде части Души Мира и сознания, дарованного Космическим Разумом. Главное наше с тобой отличие от обычных людей: наш дух — искусственно воссозданный. Старый умер. Именно благодаря его искусственности мы живём дольше и болеем меньше. А ещё он позволяет обладать определёнными дарами.

Артём задумался. Вот такого расклада он точно не ожидал, но сказанное выглядело логично.

— Ты извини, но я в этих делах профан. Дух, душа, ну разум — понятно.

— Не разум, а сознание, — покачала головой Русалка, давая понять, что и это ему непонятно. — Люди не обладают Разумом. Так меня Архангел учил. У нас есть лишь возможность к нему подключаться, и то в ограниченном виде. Этим, кстати, и определяется разумность каждого человека.

— То есть ты утверждаешь, что наш мозг — это адаптер? — удивился Артём.

— Я не знаю, что такое «адаптер», — тут же пресекла Настя все его дальнейшие расспросы на эту тему, показывая свою некомпетентность в области технологий. — А по поводу духа: ты видел когда-нибудь привидение?

— Вживую не приходилось ещё.

— Привидение — это дух умершего человека. И он не пустая оболочка, а полная копия физического тела. Так как ДНК имеется во всех клетках, то и привидение сохраняет не только внешний контур, но и все внутренности. У него есть призрачное сердце, лёгкие и все до единого органа. Сохраняются и призрачные мозги. И всё это в иллюзорной форме после смерти отправляется в виртуальный мир — накопитель единого информационного поля Земли. А душа — совокупность социальных эмоций. То есть тех эмоций, которые возникают только при общении с другими людьми: стыд, чувство вины, сострадание, совесть, забота о ближнем и так далее.

— Понятно, — остановил её Артём, закругляя тему и, в свою очередь, не давая девушке сообразить, что сам в подобных вопросах некомпетентен. — Это высшие эмоции, связанные с понятием человечности.

— Ну, что-то вроде того, — согласилась она с ним, но тем не менее продолжила эзотерическую политинформацию: — После смерти выросшая из капли новорождённого до определённого эмоционального сгустка душа возвращается в общий резервуар Души Мира к Архангелам, где вновь дробится на капли и вселяется в новых новорождённых. Только в нашем случае душа мёртвое тело не покинула. А вместо улетевшего духа ангельские сущности в мёртвую оболочку внедрили нам искусственный, усовершенствованный дух.

— То есть мы — суперлюди? Будущее человечества? — выдвинул предположение Артём.

— Ну, в принципе, нас можно назвать суперлюдьми, но точно не будущим, — не согласилась с ним Настя, покачивая головой из стороны в сторону. — Нас порождают для выполнения определённых задач в человеческой цивилизации. Мне так учитель объяснял. У меня своя задача. У тебя — своя. Ты же какой-то там Вершитель, способный отбирать жизни?

Она замолчала, пристально уставившись на него. А до Артёма резко дошло, чего же она так боится. Она испугалась, что он просто отберёт у неё жизнь. Просто так. По́ходя. Ей явно кто-то что-то про него рассказал, но либо она плохо слушала, либо усвоила только это. Человек вообще странный субъект восприятия информации — выковыривает из общей совокупности только понятное или ожидаемое, пропуская остальное мимо ушей.

— Кто тебе рассказал про меня? — спросил Артём, не надеясь, что она ответит.

Но девушка честно призналась:

— Сын Вод велел мне стать твоим наставником и провести стажировку по водной составляющей нашего мира. Ещё три дня назад. Но я боялась к тебе подходить.

— Вот как, — с грустью подвёл итог услышанному Артём, тут же поясняя, что заставило его сгрустнуть: — То есть я на сегодняшний день твой стажёр, а мы вместе — зомби-инструменты в чьих-то руках?

— Фу. Определение как-то не очень, — скривилась Русалка, но, подумав, всё же с ним согласилась: — Но если ты не рефлексируешь, то, пожалуй, точнее и не скажешь.

— А ты не рефлексируешь?

— С чего? — удивилась девушка и даже встрепенулась от нависшей над ней усталости. — Я живее всех живых. Не болею, не старею. У меня интересная работа, интересный дар. Да моя жизнь — это мечта любого.

— Но всё же осознавать, что ты умерла…

— Моё личностное «Я» при мне, — не сдавалась Настя, формируя собственное видение ситуации. — А утонула моя неудачная копия.

— Любопытный подход, — усмехнулся Артём, примеряя на себя и в какой-то степени соглашаясь с предложенной концепцией.

— Так и только так, — утвердительно заявила Настя. — И всё вокруг сразу встанет на свои места.

Эпизод 12. Жизнь не живут — в неё играют: кто-то выбирает роли, а кто-то — массовку без права голоса.

Полумрак мигнул. Девушка на стуле резко осунулась. Голова её упала на грудь, руки повисли плетьми, и она, расслабившись, откинулась на спинку стула. У Панова сложилось впечатление, что детский доктор от усталости просто вырубилась, уснув сидя. Не успел он удивиться и что-либо предпринять, чтобы Настя не упала, как дверь в туалет плавно открылась, и из темноты вышел мужчина высотой больше двух метров с длинными, как у киношного эльфа, светлыми волосами. Явление вогнало Артёма в ступор от страха. Он замер, словно парализованный.

На первый взгляд мужчина выглядел лет на сорок. Лицо гладкое, даже можно сказать, излишне зализанное. Чужеродный сероватый оттенок делал его человеческие черты инопланетными. Плечи широкие, поставленные высоко. Бёдра узкие. Несмотря на атлетическую фигуру пловца, в нём усматривалась болезненная худоба. Хотя, скорее, он выглядел не худым, а жилистым. Каждое движение при приближении к Артёму выказывало скрытую за мягкостью силу. Так обычно передвигаются сторонники кунг-фу или ушу в боевом режиме.

Но тут паралич неожиданно отпустил Панова, заставив открыть рот от удивления, и было от чего. Над головой неожиданного гостя вместо «колеса жизни» слабо светилась голубым шариком планета Земля в миниатюре. Мужчина бесшумно, текучей походкой подплыл к Насте со спины и, игнорируя стул, поднял девушку на руки, прошептав опешившему Артёму:

— Освободи кровать. Девочка устала.

Шёпот его оказался до жути устрашающим, словно тебе одновременно на оба уха шепчет один и тот же человек, создавая стереоэффект. Казалось, этот шёпот, стекая с головы по спине, превращается в стадо нервных мурашек, бегущих косяком от головы к заднице. Артём засуетился, приглаживая вставшие дыбом волосы. Слез с кровати, поправил складки одеяла, взбил подушку и отступил в сторону, пропуская незваного гостя с ношей. А когда тот уложил спящую Русалку на кровать, Панов сдавленно спросил вполголоса, высказывая своё предположение:

— Вы Сын Вод?

Гость не ответил. Он пристроился на край кровати по центру и небрежным жестом указал хозяину палаты на освободившийся стул, давая понять, что разговор будет продолжен, но уже в другой диспозиции. Артём на ватных ногах подошёл к стулу, мучительно соображая, что делать и куда бежать, если что. Столкнуться вот так с целым Элементом Планетарного Разума — это даже не башкой колесо самосвала словить. Это нечто покруче будет.

— Не надо меня бояться, — прошептал гость, который, даже сидя на кровати, оказался одного роста со стоящим Артёмом. — Предупреждаю: я слышу мысли. Говорить тебе не обязательно, но думай о чём думаешь. В моих владениях голос не приветствуется. Водная стихия общается шёпотом.

Артём послушно сел. В ушах звенело тем самым звоном, что слышит каждый, резко попав в тишину из громкого помещения. Минуту он просто сидел, рассматривая трясущиеся руки, уложенные на колени, изображая набедокурившего пацана под взглядом мужика, поймавшего его на непотребстве. Гость тоже молчал, рассматривая Артёма в упор. Оба чего-то ждали. Только когда Панов не выдержал и поднял глаза на молчаливого Сына Вод, тот неожиданно обратился к нему шёпотом, как и раньше, отразившимся в каждом ухе Артёма стереоэффектом:

— Вершитель. Деградация константна — это закон Вселенной. Эволюция заключается в её преодолении. Развитие отдельной планеты — капля во Вселенной. Прогресс биологической эволюции локальной системы — молекула в этой капле.

Сын Вод замолчал, пристально смотря в глаза Панова, как будто оценивая его способность к пониманию. Артём не подвёл. Он, мгновенно осмыслив сказанное, продолжил шёпотом:

— А человечество — всего лишь атом в этой молекуле?

Незваный гость благосклонно едва кивнул, изобразив подобие улыбки одними уголками губ.

— НАМ, — Сын Вод выделил это слово интонацией и выдержал паузу, как бы дополнительно подчёркивая, — безразлична судьба человечества из-за его предсказуемости и паразитарной сути. Оно всего лишь планетарный мусор, необходимый как очередная ступенька в эволюции планеты.

— А мы? — осторожно спросил Артём, имея в виду свою новую сущность.

— А вы — программный вирус в этом мусоре, — огорчил его ответом Сын Вод, но сделал это без презрения, как бы просто констатируя факт. — Любая спокойная система вырождается под постоянством деградации. Требуется выход из состояния стабильности. Ваша задача: одним своим существованием вызывать возмущения в любом тихом омуте, в котором оказываетесь. Вы порождаете хаос в их комфорте, чиня произвол, и тем самым заставляете не останавливаться на достигнутом, а двигаться дальше по пути развития.

Сын Вод, не скрывая ехидной улыбки, внимательно следил за реакцией перерождённого. Артёму, естественно, не понравилась подобная постановка задачи. Быть программным вирусом, да ещё и вредоносным — та ещё перспектива на столетия существования. Но вступать в полемику и тем более заявлять протест он тоже не собирался. Сделал в памяти зарубку и вместо праведного гнева стыдливо прошептал, опуская глаза:

— Я пока слишком слаб для произвола. У меня не хватает энергии.

— Переродившись плотью — переродись сознанием, — шёпот Сына Вод неожиданно приобрёл зловещий окрас. — Перестань быть тем, кем ты был, иначе быстро сгинешь, не выполнив предназначение. Ты — Вершитель, перерождённый Престолом, с возможностями даровать и отнимать у всего сущего силы и саму жизнь. Энергии вокруг — бесконечное количество, и ты знаешь, как её взять.

— У людей? — в недоумении уставился на гостя Артём, поняв, на что тот намекает.

— А кто они тебе? — уже спокойно прошелестел Элемент Разума, даже слегка улыбнувшись. — В этой форме бытия ты стоишь НАД ними.

Наступила пауза, данная Панову для осознания и принятия, но все попытки это сделать не принесли результата. В голове варилась каша.

— Спрашивай, — неожиданно прошелестел гость, видя, что подопечный впадает в информационный ступор.

— О чём? — ответно прошептал Артём, перестав насиловать своё сознание в попытке думать логично.

Мысли метались в голове, как до смерти перепуганные коты по квартире в ужасе, не понимая, что случилось, куда бежать и где прятаться.

— Всё, что ты считаешь важным знать для себя, — подсказал Сын Вод.

Артём постарался успокоиться, задаваясь вопросом: «А что, собственно, для него сейчас важно?» Все жизни, в каждой из которых он умирал, и всегда не очень хорошо, пролетели перед глазами, словно смерч. Обстоятельства, не спрашивая его, пронеслись, разрушая одну жизнь за другой, и в конечном итоге подарили, похоже, последнюю, но фантастическую по своим возможностям.

— Почему я? — наконец еле слышно прошептал он.

— Это был твой выбор, — послышался гипнотизирующий шелест в ушах.

— Мой? — изумился Артём, вскинув брови, что-то не припоминая, когда это он умудрился выбрать себе такую участь.

— Твой, — подтвердил Планетарный Разум, слегка кивнув. — Правда, сделал ты его непреднамеренно, но незнание законов не освобождает от ответственности, в том числе и законов бытия. Механизм управления всеми процессами во Вселенной — процедура выбора. Никто не может сделать его за вас. Высшие Силы лишь создают обстоятельства событийной развилки, а принятие решения всегда остаётся за теми, перед кем этот выбор ставится.

Артём задумался почти на пару минут, переваривая эту философскую концепцию, хотя в этот момент времени размышлять на отвлечённые темы совсем не получалось. Наконец у него родился другой вопрос, который посчитал достаточно важным.

— Какова моя цель? Для чего меня переродили таким?

— Ты инструмент Вселенной с собственным интеллектом. Живи, принимая решения самостоятельно, — довольно уклончиво ответил ему Сын Вод.

— Как-то стрёмно осознавать себя инструментом в чьих-то руках, — впервые проявил недовольство Артём. — Я бы даже сказал, унизительно.

— Любой субъект в плане Разума есть винтик или инструмент для работы с ним. Ты будешь отличаться от остальных лишь тем, что особенный. Поэтому к тебе будет повышенное внимание. Твой перерод — ангельский Престол, Вершитель Вселенной. Это выше смыслов Планетарного Разума. Он близок к замыслам Всевышнего. Ты его инолюдь на этой планете, и нам не дано знать твоего предназначения. Ты не единственный такой, но у каждого Вершителя свой смысл в нахождении среди людей.

— То есть я, по сути, программа вселенского уровня? — предположил Артём.

— Программа, подпрограмма, процедура — наименование не важно, — не стал отвечать Сын Вод на заданный вопрос. — Ты создан Искусственным Разумом. Несёшь в себе искусственный дух. А всё, что создано искусственно, обязано иметь смысл. Если его понимание тебе не подвластно, значит, ты ещё не готов к его постижению. Совершенствуйся, познавай и обрастай пониманием мироздания. У тебя впереди новая жизнь, и на каком этапе тебе откроется предназначение — нам не ведомо. Искусственный дух — это не панацея эволюции Вселенной, а лишь инструмент для её совершенствования. Подумай о смысле своего перерождения с этой точки зрения.

Артём опять постарался задуматься, но, как и раньше, не очень в этом преуспел. Но тут он неожиданно вспомнил слова Сына Вод об особом внимании к себе, и у него возник новый вопрос:

— С чьей стороны ко мне будет внимание?

— С разных, — спокойно ответил Элемент Планетарного Разума. — Со стороны потусторонних миров тебя будут донимать духи. В реальном мире — в первую очередь «осы».

— Осы? — не понял Артём, причём здесь эти кусачие мухи.

— ОСО — отдел специальных операций при президенте страны, — пояснил Сын Вод. — Отдел, контролирующий вашу популяцию на государственном уровне, определяя: кому существовать, а кому нет, в зависимости от вашей нужности обществу. Кроме ОСО тобой будут интересоваться спецслужбы.

— У меня уже был куратор от них с ненавязчивым предложением, — поспешил с подтверждением последнего Артём.

— Это была лишь проверка твоей лояльности, — прошептал гость, давая понять, что в курсе. — Предложение они планируют выдвинуть позже. А именно: работать по своей прежней специальности в их структуре.

— А там меня морально и эмоционально обработают так, что начну служить Родине, на какие бы три буквы ни послали, — язвительно обрисовал Панов перспективы работы в ФСБ,

но тут же спохватился и удивлённо, а заодно и расстроенно спросил: — Так вы что, меня к себе не возьмёте?

— Почему не возьмём? — явно с ехидством отреагировал Сын Вод на его сдавленный крик души, демонстрируя наличие чувства юмора. — Возьмём, коли справишься. А пока мы присматриваемся к тебе, как и спецслужбы. Но в первую очередь к тебе присматривается ОСО: оставить тебя на плаву и в каком качестве, или проще сразу ликвидировать от греха подальше.

— И вы мне не поможете с ними?

— ОСО — это игроки реального, а не третичного мира, — отрицательно покачал головой Сын Вод. — У нас с ними вооружённый нейтралитет. Мы поможем с первичными знаниями, но дальнейшее развитие — в твоих руках. Ты не водник, не земельник, не воздушник. Ты самостоятельная единица — перерожденец высшего ангельского лика. Поэтому обязан вырасти либо в самостоятельного игрока, с которым будут вынуждены считаться, либо исчезнуть с игровой доски за некомпетентность. Эволюция подразумевает выживание.

— Очень вдохновляюще, — принялся ёрзать Артём на стуле, испугавшись столь высокой планки, выставленной ему Высшими Силами. — Вот только что это за игра такая?

— Жизнь, — спокойно ответил Сын Вод. — Правила её просты: ты либо играешь как игрок, либо она играет тобой как куклой.

Для Артёма подобное заявление оказалось полной неожиданностью. Он никогда в жизни не возлагал на свои покатые плечи груз лидерства. Наоборот, он его сторонился, предпочитая быть простым исполнителем, хотя и старался выделиться. Но всё услышанное как-то само по себе уложилось в стройную и не терпящую возражений концепцию его будущего — в качестве доминанта. В принципе, ему заявили прямым текстом: или ты начинаешь всех подряд интеллектуально нагибать и насиловать своими способностями, или тебя все подряд будут иметь в разные отверстия с разной степенью унижения.

В итоге виделись два варианта: либо он покончит с собой самостоятельно, либо его кончат за ненадобностью. Третьего не дано. И, как он понял из объяснения, его враги в первую очередь — люди. А среди людей — «осы». Но те пока присматриваются. Почему? И тут у него родился закономерный вопрос:

— «Осы» уже знают о моём даре?

— Нет, — улыбнувшись, прошептал Сын Вод. — Но своих наблюдателей уже подключили. В группе учёных-медиков, что тебя обследуют, их четверо.

— Но среди них я не видел ни одного перерождённого? — удивился Артём.

— «Осы» используют перерождённых как инструмент, а сами — обычные люди. Специально подобранные профессионалы своего дела в определённых областях, но всё-таки люди, среди которых глупцов не держат. Имей это в виду. И если ты собрался от них спрятаться, то не советую. Найдут и уничтожат.

Сын Вод замолчал, пристально наблюдая за Артёмом. Тот правильно понял намёк. Да, была у Панова такая идея изначально.

— Просто хотел на какое-то время от всех залечь на дно, чтобы собраться с мыслями, накопить нужную информацию, — принялся он оправдываться. — Я пока не понимаю, что делать и куда бежать.

— То, что ты ещё ни разу не применил свои дары, — молодец, — похвалил Элемент Разума. — Зеркало не в счёт. По крайней мере, на его примере ты понял, что на что-нибудь серьёзное твоих сил не хватит. Но, с другой стороны, чуть не дал почву для размышлений тем, кто за тобой следит. А вот этого делать не надо.

— Следит? — вскинул брови Артём, словно подобного даже не ожидал.

— В палате две камеры наблюдения, — спокойно прошелестел гость. — Третья в туалете и ещё одна смотрит на вход из коридора.

Артём встрепенулся, заозирался и в недоумении уставился на Сына Вод.

— Они отключились два часа назад, — тут же успокоил его Планетарный Разум. — Провод питания где-то замкнул. Специалисты уже едут. Но пока найдут, пока устранят, наступит время завтрака. Так что девочка успеет выспаться.

— Понял, — успокоился Артём, возвращаясь к информационной составляющей диалога. — Прежде чем принимать решение, нужны исходные данные. Первое: как я понял, после больницы надо найти работу. Но работать на ФСБ и тем более возвращаться в старую фирму что-то не хочется. Куратору, который был в гостях, я дал понять, что у меня с головой не всё в порядке. Первое время буду косить, что мозгами повредился. Талант программиста с колесом от самосвала уехал.

— Ну так в чём же дело? — прошелестел Сын Вод, указывая на лежащий на тумбочке ноутбук.

— Так его же эфэсбэшник принёс, — удивился Артём. — Там же наверняка напичкано уже по самое не хочу. И прослушка, и камера. Да и всё, что я на нём буду делать, станет им известно в режиме онлайн.

— И какой отсюда вывод? — подтолкнул его собеседник к нужному решению. — Либо играешь ты, либо тобой.

И тут Артёма осенило.

— Точно, — вполголоса воскликнул он, но тут же смутился и перешёл на шёпот. — Точно. Как источник дезинформации — то, что нужно. Набросаю простенькую нейронку: косую и беспонто́вую. Стану с умным и мучительным видом её отлаживать, пока она вообще работать не перестанет. Плюну, расписавшись в полной профнепригодности, и начну пить горькую.

— Последнее не обязательно, — усмехнулся Сын Вод и тут же, читая его мысли, добавил: — И устроиться куда-нибудь админом в корпоративную сеть, влача жалкое существование, пока про тебя не забудут, — тоже не советую.

— Почему?

— Должен тебя разочаровать, — с грустью покачал головой собеседник Панова. — О тебе уже не забудут. Хочешь ты этого или нет. И выйти из игры, отсидевшись в сторонке, тебе никто не даст. Жизнь никому не даёт форы. А вот усложниться с самого старта — сколько угодно.

Артём поник, понимая, что влип по самые «помидоры». По сути дела, его положение сродно тому бедолаге, которого учат плавать путём сброса на глубину. Обучение по принципу: хочешь жить — умей вертеться. А отсюда следует вывод: фору ему как новичку никто не даст. Поэтому, подобно мальку, он может только уворачиваться и как можно быстрее становиться сильнее, пока его не сожрали.

Эпизод 13. Вся жизнь шпиона в чужой стране — хождение по минному полю бытовых мелочей.

Через месяц Артём был абсолютно здоров — по его ощущениям, конечно. Но вот свора эскулапов от науки НИИ имени Склифосовского так не считала, и он всячески им подыгрывал, зная о «засланных казачках». Учёные прочно оседлали пациента, всей кодлой присев на его едва зажившую шею, взгромоздившись туда вместе со всей своей аппаратурой. Мучители от медицины с завидной регулярностью продолжали ставить над ним бесчеловечные опыты. Это начинало надоедать. Только зажравшись деликатесами, понимаешь всю прелесть чёрного хлебушка.

Свой план по дезинформации он провернул, как ему казалось, на пять с плюсом. Набросанная им нейронка оказалась настолько дилетантской, что сам удивился и даже испугался. А если и правда мозги повредились? Талант, говорят, не пропивается, но «промереть» его можно запросто. Проверять себя и искать неординарные решения по её отладке он не стал. Просто для вида психанул, захлопнул ноутбук и больше к нему не прикасался, посчитав, что собственная профнепригодность вполне доказана, а всё остальное — лишнее. Умному отыграть роль дурака — запросто, но обратное — невозможно.

Расстроившись для вида, что у него ничего не получается, Артём на эмоциях принялся бунтовать, заявив, что в конце концов он человек, а опыты над людьми запрещены самой ООН. Эскулапы временно поутихли со своим рвением в познании непознанного, но руководство института ударилось в другую крайность, выставив у его палаты пост охраны. Это как раз был тот редкий случай, когда охраняли не пациента от внешней угрозы, а чтобы он просто не сбежал от так необходимого для него медикаментозного лечения. В дневное время на посту сидел хмырь алкогольно-зависимой наружности. По ночам его сменяла околоподъéздная бабка-вертухайка из тех, у кого ни один наркоман с проституткой не забалует. Старые кадры тем и ценны́, что не переучиваются.

Днём, если требовалось перемещаться по территории больницы, Артёма сопровождал похмельного вида страж, следовавший по пятам, как на жёсткой сцепке, и, словно глухой, никак не реагировавший на попытки конвоируемого с ним заговорить. Панову даже казалось, что, выйди он сейчас из больницы и уйди домой, тот и до квартиры сопроводит, как ни в чём не бывало. Ему сказано: «Ходи за ним как привязанный», — вот он и ходит. И мужику с виду было по барабану, куда следует подопечный, лишь бы от него не сбежал. Служебная собака, выполняя команды, не должна думать.

А вот бабка поступила откровенно по-скотски. Так как пациенту по ночам шляться по больнице не было необходимости, она, найдя где-то навесной замок, просто закрывала его на своё дежурство, сковав ручки двери цепью, а сама всю ночь где-то дрыхла, коза старая. А на все требования Артёма выпустить его отсюда, подкреплённые ссылками на свободу перемещения, прожжённая советской властью бабка, как по воинскому уставу, рапортовала: «Не положено». А любой воинский устав, как известно, из-за дороговизны чернил писан дешёвой кровью солдатиков.

Откуда тогда Артём мог знать, что всё время его вынужденного заточения руководство института все пороги обило в Минздраве, пытаясь узаконить его нахождение в институте в качестве подопытной крысы. Чем они эту необходимость только не мотивировали, какие посулы будущих открытий мирового значения не выдавали. Но, как ни странно, бюрократы Минздрава в дорогих костюмах оказались куда более человечными, чем изверги в белых халатах. Там ходатаям так культурно и объяснили: «Вы что там, вообще ебанулись? Договаривай-

тесь с ним на контрактной основе, платите. Конвенцию ООН о запрете опытов над людьми ещё пока не отменили». Бюрократам всех стран даже соединяться не требуется, они и так все заодно.

И недели не прошло после разговора с Сыном Вод, а Артём всеми внутренностями и сданными ими анализами осознал праведность его слов. Да, бояться следует не Высших Сил, что бесцеремонно вмешались в его размеренную жизнь, и не потустороннего мира с его страшилками, а родного человечества с его низменными потребностями до всего халявного. Если уж медики возбудились так от его элементарной повышенной регенерации, то что они с ним сделают, когда узнают о его способностях? Аппетит не всегда ассоциируется с голодом, но всегда возбуждается халявой под соусом: «Что не съем, то закусаю».

Руководство института в режиме ошпаренной кошки планировало эмоционально-этическое давление на пациента, решая, как будет уговаривать, на какие рычаги патриотизма и совести давить, каким образом, сводя концы с концами, выцарапывать в скудном бюджете хоть какую-нибудь материальную заинтересованность для Панова. Даже подключили сторонних хитрожопых юристов для составления договора, испещрённого подводными камнями. Вот только терпение Артёма лопнуло, и ценнейший для института пациент решился на побег.

Он планировал его целую неделю. И это не было связано со сложностями ухода из-под надзора или скрупулёзностью подготовки с тщательным просчётом всех возможных вариантов непредвиденных ситуаций, хотя кое-что в этом направлении всё же предпринял. В первую очередь, зная, что его телефон прослушивается, обратился за помощью к Насте, и та при очередной встрече в коридоре, обнимаясь, сунула в карман его пижамы смартфон, предупредив на ушко, что он какой-то особенный и говорить по нему следует только шёпотом. Мобильник оказался не новым, но полностью заря́женным и с единственным номером, забитым в память, подписанным — «Русалка».

При следующей передачке Панов обзавёлся запечатанной пачкой пятитысячных, пообещав Насте при первой же возможности компенсировать издержки. На что Речная Дева отреагировала безразличием: мол, не конфету же у ребёнка отобрал, а всего лишь пол-лимона каких-то. Ценность услуги не всегда определяется деньгами — зачастую ответная услуга может оказаться предпочтительнее.

Вот теперь он был готов на подвиги, но бежать сразу не смог из-за погоды. Затянули нудные сентябрьские дожди, и на улице стало ощутимо прохладно. А Артём — в одной больничной пижаме на голое тело и тапках на босу ногу. Пытаться раздобыть чью-нибудь одежду по примеру киношного Терминатора, как уже сорок лет одеваются отморозки всех мастей, он даже не стал планировать. «Мне нужна твоя одежда и мотоцикл» — это не про него. Правильный побег — это побег бесследный: то есть без следов и зацепок.

К тому же, памятуя о последствиях с разбитым зеркалом, Панов качал энергию как мог — на пределе сил, и путём физических тренировок, и воруя её у пациентов больницы. Сначала непривыкшее к физической нагрузке туловище на следующий же день после интенсивной тренировки пообещало сдохнуть. Но благодаря неимоверной регенерации уже через неделю он втянулся и всё свободное время либо выполнял растяжку, либо качался, используя собственный вес, либо изматывал конвоира ходьбой по лестницам, игнорируя лифт. И это дало результаты. Каждый качок — это, по сути, насильник, не попадающий под уголовную статью, так как трахает исключительно самого себя.

А ещё он сделал открытие: манипуляции живыми существами с помощью второго дара, будь то человек, муха или жучок на подоконнике, требовали мизер энергии, тогда как неодушевлённые предметы выкачивали её практически досуха. С чем это было связано, он не понимал. Да и не очень пока стремился в этом разобраться. Просто поставил для себя галочку и на этом успокоился. Лишние знания тоже бывают вредны, ибо череп — это кость, а не резиновый мячик.

И вот с наступлением долгожданного окна с бабьим летом, выбрав самое безопасное для побега время, когда на больницу накатывает наплыв посетителей, а врачи от них прячутся, он, наплевав на конвоира за спиной, взял барсетку со всем необходимым, оставив при этом уникально напичканный ноутбук на тумбочке, и отправился гулять на улицу. Игнорируя лифт, спустился в холл по лестнице. Протиснулся сквозь входящих внутрь родственников и шастающих повсюду ходячих пациентов. Подгадав момент, когда конвоир слегка отстал, так же протискиваясь через толпящийся народ, применил дар печати, пожелав, чтобы на него никто не обращал внимания.

Его резко перестали замечать, а охранник в режиме ошпаренной кошки заметался по крыльцу, не зная, куда бежать и где искать объект охраны. Он и с крыльца сбежал, пометавшись туда-сюда. Затем рванул обратно в холл, подумав, что клиент просто его надул и, оторвавшись, вернулся в больницу для каких-то своих скрытых делишек. Говорят: самое худшее — это ждать и догонять. Чёрта с два! Самое паршивое — это потерять нужное и отчаянно искать там, где его уже нет.

Но Артём, шагая по прибольничному скверу, уже забыл про конвоира. Выбросил в ближайшую урну старый смартфон, предварительно вынув симку, которую тут же сломал и выкинул в следующую по ходу урну. Вышел к воротам институтского комплекса и сел в явно кого-то ожидающее такси. Заменил желание на «поехали» и уже через сорок минут открывал дверь своей квартиры, а таксист, получив пятитысячную, забыв его напрочь, поехал бомбить дальше. Много ли таксисту надо? Много. И желательно крупными купюрами.

Понимая, что в любой момент мастера сыскных дел, не обнаружив его в больнице, кинутся искать всюду, где он может оказаться, Артём не стал задерживаться в квартире. Он не был дураком. Если уж палату утыкали шпионской аппаратурой, то квартиру — сам Железный Феликс велел. А то, что эти ребята здесь побывали, куратор даже не скрывал, принеся в больницу барсетку с ноутбуком, которые оставались дома во время его гибели. Недооценив противника — проиграешь, переоценив — можешь погладить себя по голове, понимая, что перебздеть — стоило затрат.

Он быстро пробежался по опустевшим без Светкиных вещей помещениям, переоделся, что оказалось не так легко сделать, как он думал, потому что все вещи были до безобразия ему велики. Но кое-что подобрав, утянул джинсы ремнём, затолкав туда безразмерную футболку, а сверху накинул куртку, не застёгивая, а замотавшись в неё, как в кокон. Пуховик был зимний, но имел глубокий капюшон, в котором легко пряталось лицо от подъездных и уличных камер наблюдения. Не всегда коренного москвича можно отличить от бомжа, потому что москвич одевается в то, что ему удобно, а бомж — в то, что нашёл. Странно, но гардеробы часто совпадают.

Покинув квартиру и даже не думая о своей машине, сиротливо стоящей у тротуара, он проследовал в ближайший пункт выдачи маркетплейса «Озон», где получил три заранее заказанных и оплаченных Настей товара: спортивный костюм, кроссовки и новую куртку на осень. С размером последней опять не угадал. И эта оказалась ему велика, правда, не настолько, как та, что он скинул. В новой он стал выглядеть вполне сносно, но по комплекции неопределённо, а это как раз то, что было нужно в его ситуации. Главное в искусстве конспирации — не выделяться.

Ещё находясь в больнице, Панов, используя новый телефон, заранее произвёл съём однокомнатной квартиры в одном из новых микрорайонов Балашихи. Договорился с хозяйкой на три месяца за наличку без всяких документов. Пообещал выплатить плюсом премию в размере месячной суммы аренды, если та выдаст ему ключи в течение часа после его звонка. Та так обрадовалась, что чуть не выскочила из того, во что была одета. По крайней мере, Артёму так показалось по её реакции. Всегда приятно чувствовать себя неуловимым агентом 007, даже с российской привязкой.

Теперь, находясь в пункте выдачи маркетплейса, он набрал хозяйку и включил ей счётчик, объявив, что уже едет и где-то через час будет у дверей подъезда. Женщина, лишь коротко взвизгнув: «Бегу», — нажала отбой. Артём, кивнув своим мыслям, что всё пока идёт по плану, приступил к следующему этапу программы перехода на нелегальное положение.

Вышел к дороге, поймал по старинке такси, махая рукой, и уже через сорок минут подъехал к нужному дому, не заезжая во двор. А дальше поступил как последняя сволочь, применив на водителе дар татуировки, да так, что бедный аж из машины выскочил и долго ругался не по-русски, бегая кругами, не понимая, как он здесь оказался. Наличка у Артёма была, но всё же давать возможность запомнить свою физиономию посчитал лишним. Таксисты, так-то, люди без памяти, если хорошо заплатили, но удивительно злопамятны, если посчитали, что заплатили недостаточно.

Хозяйка квартиры встретила у подъезда. Поздоровались. Познакомились. Женщина среднего возраста. Невысокая, но широкая. Эдакий колобок на ножках. Мордашка привлекательностью ниже среднего. В общем, посмотришь, отвернёшься и забудешь. Одни выдающиеся формы и запомнятся. Он сунул ей заранее приготовленные деньги. Она сосредоточилась. Пересчитала. Прощупала, просветила, признала настоящими и выдала ключи с пипкой от электронного подъездного замка. Сделка завершилась к обоюдному удовлетворению, после чего заговорщики тут же разбежались в разные стороны. Договор на доверии, как ни странно, работает безукоризненно, если обеим сторонам есть что скрывать от государства.

Наконец, добравшись до своей новой берлоги и закрывшись на все замки, Артём плюхнулся на диван средней поношенности, закрыл глаза и замер, наслаждаясь тишиной и одиночеством. Побег удался. Теперь дело оставалось за малым: планы на долгую жизнь, причём в прямом смысле этого слова, аж на четыреста лет вперёд. Хотя так далеко заглядывать, конечно же, не имело смысла. Будущее вообще определить невозможно, потому что оно чем дальше, тем неопределённее, но ближайшее на глазок можно рассчитать. Главное, чтобы этот глазок не подвёл.

Планированию отчаянно мешал голодный организм. В больнице, с бешеной регенерацией, он сильно исхудал. Теперь Артёма было не узнать. Пухля усох до доходяги. Но ещё не так давно жирное до безобразия туловище попыталось опять качать свои права на кишечник, как бывало ранее, но Панов оказался сильнее своего чревоугодия. Он сказал организму «нет». Так прямо ему и заявил вслух, что никуда не пойдёт и ничего заказывать не будет. Мол, потерпишь до завтра.

Но и эти его аскетичные намерения оказались нарушены звонком на мобильник, на котором было забито лишь два но́мера: Русалки и хозяйки квартиры, а все остальные — заблокированы. Поэтому, даже не боясь, что могут звонить посторонние, он поднял трубку, улыбнулся, увидев на экране имя абонента, и ответил шёпотом, как учили:

— Привет, Настя.

— Привет, — застенчиво принялась шипеть Речная Дева, судя по цоканью каблучков, вышагивающая по коридору больницы быстрым шагом. — Ты не представляешь, что в Склифе творится. Руководство даже полицию вызвало, требуя проведения операции «Перехват». Уверяют, что тебя похитили. Ты где?

Артём по привычке хотел было соврать, продолжая играть в шпиона-нелегала, но тут же передумал, решив, что вот как раз она-то ему сейчас и нужна как никто.

— Я в Балашихе, — шёпотом признался он. — Приезжай, если сможешь. Поговорить надо.

— Вообще-то дело к вечеру, — неохотно прошипела она, — и я после пациента, как всегда, на нуле. А у тебя там что, конспиративная квартира?

— Типа того.

— Хорошо, — наконец, после паузы, устало согласилась Настя, лишний раз пожалев, что назначена куратором к этому неадеквату. — Если есть на чём переночевать и обещаешь не приставать, то называй адрес.

— Переночевать есть на чём, — обрадовался Артём, чуть не сорвавшись на голос, — а вот угостить тебя нечем. Холодильник пустой. Если не сложно, заскочи куда-нибудь, возьми что-нибудь. Мой усохший организм будет тебе признателен. Да и радушного хозяина из себя покóрчу. Стол для гостьи накрою из твоих же продуктов. Я возмещу. Не переживай.

— Хорошо, что-нибудь придумаю, — продолжила устало шипеть Русалка, ещё и тяжело вздыхая от тяжести взятых на себя обязательств. — А про деньги забудь. У нас это не принято.

И на этом оборвала разговор. Следующий раз она позвонила только через три часа.

— Артём, — впервые в её шёпоте прорезалась раздражительность, превращаясь в шипение змеи, — ну ты забрался в глушь замкáдную. Мало того что в пробках простояла, так ещё и машину у твоего дома припарковать негде. Уже минут пятнадцать кручусь. Выйди, пожалуйста, во двор. Хоть пакеты тяжёлые заберёшь. А я, может, где дальше что-нибудь найду.

— Подожди, — прошептал довольный Артём и вновь использовал дар желания, чтобы гостья нашла свободное место.

— О, — чуть ли не в голос воскликнула девушка, — тут кто-то выезжает. Спускайся. Я нашла куда приткнуться. Практически у твоего подъезда.

Настя не нашла ничего лучше, чем сделать крюк, заехав в гипермаркет «Глобус», где затарилась разнообразными съестными припасами, уже готовыми к употреблению. Только разогреть. Загрузилась аж в две их фирменные сумки, проходящие по категории «мечта оккупанта». Хилый Артём еле дотащил их до кухни, где брякнул на пол и принялся освобождать, выкладывая всё на кухонный стол, которого по площади явно не хватало.

— Ну куда ты столько набрала? — негодовал он, вынимая пластиковые контейнеры с разнообразной едой. — Нам же столько не съесть. Завтра придётся кучу продуктов выбрасывать.

— Зачем выбрасывать? — удивилась гостья, начиная освобождать вторую сумку. — Положишь в холодильник. Ничего с ними не случится. Будешь доставать и разогревать в микроволновке.

— Какой холодильник? — горестно скривился Панов, указывая на белый агрегат, стоявший в уголке с приоткрытой дверцей. — Он не работает.

Настя открыла электроприбор, осмотрела его девственно чистое нутро и непонимающе уставилась на хозяина.

— Ну так включи, — не понимая, в чём проблема, посоветовала она.

— Как? — развёл руками программист высшей квалификации. — Я не нашёл, где у него выключатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.